

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Наринэ Абгарян

Манюня,

юбилей Ба
и прочие треволнения

А

Манюня

Наринэ Абгарян

**Манюня, юбилей Ба и
прочие треволнения**

«АСТ»

2012

Абгарян Н. Ю.

Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения / Н. Ю. Абгарян —
«АСТ», 2012 — (Манюня)

ISBN 978-5-271-42191-4

Вы держите в руках новую (и, по словам автора, точно последнюю) книгу о приключениях Манюни, Нарки и прочих замечательных жителей маленького городка Берд. Спешите видеть! И читать. «Любая история имеет свое начало и свой конец. Перед вами – третья, заключительная книга о девочке Манюне и прочих ее друзьях-родственниках. Это большое счастье, когда история одной семьи находит отклик в сердцах стольких людей. Мы хотим поблагодарить вас за то, что вы были с нами. Спасибо за ваши улыбки и распахнутые сердца. Мы этого не забудем никогда. Герои „Манюни“».

ISBN 978-5-271-42191-4

© Абгарян Н. Ю., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Действующие лица	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наринэ Абгарян

Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения

Действующие лица

Семейство Шац:

БА. Иными словами – Роза Иосифовна Шац. Тут ставлю точку и трепещу.

Дядя Миша. Сын Ба и одновременно Манюнин папа. Одинокий и нестигаемый. Бабник с тонкой душевной организацией. Опять же однолюб. Умеет совместить несовместимое. Верный друг.

Манюня. Внучка Ба и Дядимишина дочка. Стихийное бедствие с боевым чубчиком на голове. Находчивая, смешливая, добрая. Если влюбляется – то вусмерть. Пока со свету не сживет – не успокоится.

Вася. Иногда Васидис. По сути своей – вездеходный «ГАЗ-69». По экстерьеру – курятник на колесах. Упрямый, своенравный. Домостроитель. Женщин откровенно считает рудиментарным явлением антропогенеза. Брезгливо игнорирует факт их существования.

Семейство Абгарян:

Папа Юра. Подпольная кличка «Мой зять золото». Муж мамы, отец четырех разнокалиберных дочек. Душа компании. Характер взрывоопасный. Преданный семьянин. Верный друг.

Мама Надя. Трепетная и любящая. Хорошо бегаёт. Умеет метким подзатыльником загасить зарождающийся конфликт на корню. Неустанно совершенствуется.

Наринэ. Это я. Худая, высокая, носатая. Зато размер ноги большой. Мечта поэта (скромно).

Каринка. Отзывается на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня. Папа Юра и мама Надя до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребенок.

Гаянэ. Любительница всего, что можно засунуть в ноздри, а также сумочек через плечо. Наивный, очень добрый и отзывчивый ребенок. Предпочитает коверкать слова. Даже в шестилетнем возрасте говорит «аляполът», «лясипед» и «шамашедший».

Сонечка. Всеобщая любимица. Невероятно упрямый ребенок. Хлебом не корми, дай заупрямиться. Из еды предпочитает вареную колбасу и перья зеленого лука, на дух не выносит красные надувные матрасы.

Генриетта. Вообще-то «копейка». Но по душевным качествам – золотой царский червонец как минимум. Вся из себя преданная, слова поперек не скажет. Усилиями обоих пап постоянно попадает в передраги. То в стадо коров въедет, то сальто-мортале в кювете крутит. И все это – без единого упрека. Не машина, а всепрощающий ангел на колесах.

Глава 1

Манюня – магистр наук, или Как банальный прострел может спасти от наказания

– Ба? А как умер Дарвин?

Ба схватилась за сердце. Резко села, нашарила очки. Спросонья нацепила их вверх тормашками и промычала что-то невразумительное в ответ.

– Чивой? – Манька приложила ладошку к уху и подалась вперед.

– Который час?

– Шесть часов утра, – звонко отрапортовала Манька, вытащила из-под мышки книгу, раскрыла на какой-то странице и требовательно уставилась на бабушку.

Ба с трудом разлепила глаза, глянула на часы.

– Мария, ты с ума сошла? Выходной на дворе, чего так рано проснулась?

Маня обиженно засопела:

– Так бы и сказала, что не знаешь, как умер Дарвин. Чего сразу про выходной говоришь?

Ба вздохнула, надела правильно очки, отобрала у Маньки книгу и уставилась на иллюстрацию. Со страницы на нее глядела толстая бородавчатая жаба.

– Это что такое?

– Это ядовитая жаба. Но я не про нее хотела. Просто здесь про эту историю картинки нет. Там написано, что одна оса ужалила паука. И паука парари... – Манька забулькала на «р», досадливо поморщилась, прочистила горло и по новой пошла на штурм сложного слова: – Палализовало!

– Парализовало?

– Вотэтовот! И лежал он такой, знаешь, совсем мертвый. Под кустиком. Но дышал!

– Ха-ха-ха!

– Ну чего ты смеешься? Ничего смешного тут нет! Наоборот, все страшно ужасно! И когда эта оса захотела утащить паука к себе в гнездо, деток кормить, Дарвин ее и поймал.

– Ложись рядом. – Ба подвинулась в сторону, отогнула край одеяла, похлопала рукой по простыне.

– Не буду я рядом ложиться! Ты снова начнешь меня тискать, а я поговорить хочу!

– Обещаю, тискать тебя я не буду.

– Поклянись!

– Клянусь! – Ба растопырила пальцы. – Видишь, я даже пальцы не скрещиваю.

Манюня с минуту сверлила бабушку испытывающим взглядом, потом кивнула, забралась под одеяло и громким шепотом продолжила:

– И чего я теперь думаю. Может, когда Дарвин привез эту осу к себе в... ну где он там жил, в домой...

– Домой.

– Ну да, в домой.

– Домой привез, а не в домой!!!

– Ба, ну чего ты! Домой привез эту осу! Так вот, жила она какое-то время в клетке, а потом Дарвин нечаянно просунул туда палец, ну поковыряться хотел, а она возьми и ужаль его? И он умер?

– Палализованный умер? – Ба, не выдержав Маниного наполненного трагизмом взгляда, зарылась лицом в подушку и разразилась своим фирменным смехом, периодически всхлипывая и причитая: «Ой, я больше не могу!» Манька раздраженно выдернула из рук бабушки книгу, сползла с кровати, нацепила тапки.

– Вот ты прямо как папа! Ему тоже скажешь чего научного, и он тут же начинает смеяться. И говорить «ой, я не могу», – передразнила она. – Не буду я вам больше ничего говорить! Я лучше Нарке буду рассказывать. Она, может, и сама не знает, от чего Дарвин умер, но хотя бы не смеется в ответ!

– А что же она делает, если не смеется? – взвизгнула между двумя приступами хохота Ба.

– Сидит рядом и молча смотрит. Понятно? Так что вот, пошла я к себе! А ты смейся дальше одна! – Манька шмыгнула носом, натянула высоко на грудь пижамные штаны, развернулась через плечо и, остервенело чеканя шаг, выдвинулась вон из комнаты.

– Ой-ой! Грудь моряка, попа индюка! – крикнула вслед Ба.

– Ни ой ни ой! Ни грудь ни моряка ни попа ни индюка! – не осталась в долгу Манька.

Ба утерла рукавом ночнушки выступившие слезы, полежала какое-то время, приходя в себя. Поднялась, затянула в короткий хвостик выющиеся волосы. Подошла к окну и распахнула форточку. Комната мигом наполнилась холодным февральским утром – остро запахло талым снегом и влажной, разбухшей землей, промерзший рассвет робко золотил плечо дальнего холма, сварливо перекликались припозднившиеся утренние петухи.

– День будет добрым, – решила Ба.

Она переоделась, привела в порядок постель, накрыла кровать тяжелым простеганным покрывалом. Сложила в стопку книги на тумбочке, поправила ажурную салфетку на трюмо. Окинула довольным взглядом комнату – чистота! Тихо прикрыла за собой дверь и пошла вести переговоры с внучкой.

Манькина комната находилась между комнатами Ба и дяди Миши. Дядимишина спальня располагалась в самом конце коридора. Она замыкалась большой стеклянной лоджией, где дядя Миша хранил всякие свои инженерные штучки. Несколько проводов, металлических деталей и штепселей лежали в картонной коробке под столом. Ба каждую уборку сильно ругалась и вытаскивала коробку на лоджию, но через день-второй та волшебным образом снова оказывалась в комнате. Просто дядя Миша периодически делал какие-то открытия, увлеченно чертил схемы и собирал странные конструкции, на выходе смахивающие на покореженные после небольшого взрыва запчасти бензопилы «Дружба», поэтому коробка-выручалка должна была постоянно находиться под рукой. Мало ли, может, вдохновение обуяет тебя в три часа ночи, не идти же за проводами на морозный балкон! Ведь шаговая доступность запчастей – залог самых больших научных открытий!

Поэтому, чтобы уберечь нервы себе и окружающим, Ба отвела сыну дальнюю комнату. Так можно меньше раздражаться из-за бесконечного промышленного хлама, без которого сын не представляет своей жизни, да и не отвлекать его от разноразличных важных открытий. Дядя Миша самоотверженность Ба очень ценил, дома старался сдерживаться от безумных конструкторских порывов, а работу новоиспеченных устройств проверял на заднем дворе родного релейного завода. Сильно кручинился, что для экспериментов на предприятии не имеется бронированного помещения.

Но иногда его накрывал неконтролируемый творческий экстаз, в такие минуты дядя Миша забывал обо всем на свете и проверял действие своих устройств на дому. Два раза обошлось сущей ерундой – выбитыми пробками, один раз случился небольшой пожар, который наш неутомимый изобретатель потушил собственными новыми шерстяными брюками, а однажды включенная в розетку конструкция издала такой холодящий душу потусторонний вой, что от ужаса скрючило всю живность на многие сотни метров вокруг.

Манина комната была самой большой и светлой. Справа стояла широкая кровать темного дерева, в изголовье кровати – письменный стол. На стене висел большой бежевый ковер в шоколадный и темно-зеленый узор, в углу комнаты расположилось старое кресло. Слева от входной двери высился шкаф, где хранилась не только одежда, но периодически, когда нам хотелось напустить загадочного тумана на нашу и без того богатую событиями жизнь, хранились мы. Хранились мы в шкафу с целью разобраться, можно ли распознать в темноте гримасу подруги или показать с лету, без унижительных ощупываний, где у кого нога, а где, наоборот, ухо.

К сожалению, или, может быть, к счастью, в шкафу мы обитали недолго, минут пятнадцать – двадцать, и всё потому, что существовать мирно в тесноте, да не в обиде категорически не умели. Поэтому чаще всего посиделки в темноте заканчивались тем, что мы с шумом вываливались на пол и устраивали сокрушительный мордобой, помогая себе вешалками и другими подручными средствами. На наши крики прилетала Ба, и следующие полчаса, угрюмо сопя и отсвечивая в пространство зудящими вывернутыми ушами, мы приводили в порядок Манин гардероб. Труд не только облагораживает, но и сближает, так что по ходу уборки мы обратно мирились, а к концу были готовы к новым, не менее захватывающим приключениям.

В течение дня Манька редко бывала у себя и даже домашнее задание норовила делать за кухонным столом – там ей было уютнее, да и Ба постоянно крутилась рядом и могла помочь в решении сложной задачи. В комнате моя подруга предпочитала спать и дуться. И если по какой-то причине ей хотелось высказать миру свое «фи», она прикрепляла магнитиками к металлической рамке на двери небольшой плакат с надписью «Вход запрещен» и закрывалась в комнате. Сегодняшнее утро явно заслуживало очередной Маниной протестной эскапады, поэтому, когда Ба пошла разговаривать с внучкой, она наткнулась на запертую дверь и плакат с грозным предупреждением.

– И чего? – спросила Ба в дверь. – Мне сюда совсем вход запрещен?

– Совсем! – мигом отозвалась Манька в замочную скважину.
– А если я извинюсь?
– Поздно извиняться! Надо было сразу!
– А если я оладьи сделаю?
– Все равно! – не дрогнула Манька.
– Не простые оладьи, а дрожжевые! Пышные-румяные!
За дверью сердито закопошились. Ба победно хмыкнула, встала руки в боки.
– Ладно, я пойду замешивать тесто, а ты пока думай.
– Мам, ну чего вы поспать не даете? – крикнул из своей комнаты дядя Миша.
– Да вот, твоя дочь чудит.
– И ничего я не чужу! – моментально огрызнулась Манька.
– Ну всё, я пошла. Как только надоест дуться – спускайся вниз. Я тебе расскажу, от чего умер Дарвин.
– А ты точно знаешь, от чего он умер?
– Точно знаю!
– Скажи? – Манькин любопытный глаз сканировал пространство через замочную скважину.

Ба наклонилась и поймала вороватый взгляд внучки за секунду до того, как та отпрянула от двери.

– А не скажу. Когда выйдешь – тогда и расскажу.
– Очень надо! – рассердилась Манька.
– Ну как хочешь, – засмеялась Ба и пошла вниз по лестнице.

На кухне она первым делом включила радио. Пока диктор, дребезжа лучом счастья в голосе, рассказывал, как пышно возшли озимые по всем полям нашей необъятной родины, Ба сердито ходила лицом и едко комментировала каждое его слово. Далее, под аккомпанемент трагических новостей о бедственном положении шахтеров боливийского департамента Оруро она распустила в теплом молоке дрожжи, чуть посолила, поставила миску с опарой на теплую батарею – чтобы быстрее расходилась. Пока дрожжи думали, Ба сбегала на задний двор, насыпала курам зерна, долила в поилку воды. Забрала четыре яйца, пятое трогать не стала – оставила в коробке. Потому что если забрать все яйца, то куры разбредутся по курятнику и будут нестись по углам вразброс.

Прибежала, морозная, домой, разбила в опару три желтка, добавила по столовой ложке сахара и растопленного сливочного масла, а также полчашки сметаны, замесила негустое тесто. Отдельно взбила в пышную пену белки, аккуратно ввела в тесто. Размешала деревянной лопаточкой, накрыла крышкой, завернула в теплое одеяло, поставила доходить. Растопила полпачки сливочного масла и взбила его со стаканом липового меда. Получился вкусный соус для оладий. Заварила в пузатом керамическом чайничке заварки, открыла банку клубничного варенья – дядя Миша не ел меда, из сладкого предпочитал только варенье. Довольная собой, села попить чаю. Прислушалась – наверху было тихо.

«Надо бы сходить посмотреть, что она там творит», – решила Ба, допила чай, ополоснула чашку и, стараясь не скрипеть деревянными ступеньками, поднялась на второй этаж. Первое, что бросилось ей в глаза, был густо исписанный неровными каракулями плакат. Ба поправила на переносице очки и подошла ближе, чтобы лучше разглядеть новые надписи. Манюня, конечно же, не ударила в грязь лицом и расцветила плакат очередными душевынимающего содержания воззваниями:

«ВХОД ЗАПРЕЩЁН ВСЕМ, КТО СМЕЁТЦА!
КОМНАТА!
КАПИТАНА КАРЛЕВСКОГО ФЛОТА МАРИИ ШАЦ!
МИХАЙЛОВНЫ!

МАГИТСРА НАУК. ЧЛЕНА КАРОЛЕВКОГО ОБЩЕСТВА 1845!
ГОД РОЖДЕНИЯ: 1970 ГОД 11 НОЯБРЯ!
ГОД СМЕРТИ: НЕ УМЫРЛА, ЖИВАЯ»

Ба прыснула.

– Смеешься? – мигом засварливилась замочная скважина.

– Ну что ты! – закашлялась Ба. – Мне совсем не до смеха.

– Нравится? – оттаяла скважина.

– Очень нравится. А что такое тысяча восемьсот сорок пять?

– Где?

– А вот на плакате. Ты написала «член королевского общества 1845».

– Я не знаю, переписала из книжки, просто добавила свое имя. Теперь я капитан королевского корабля. И вход тебе сюда все равно запрещен.

– А чего же ты, капитан королевского корабля и магистр наук, без ошибок переписать не смогла?

– Где?

– А вот тут и тут, – Ба ткнула пальцем в плакат. – И еще вот здесь. Я лично три ошибки насчитала. Выйди, я тебе покажу.

– Не выйду! Ты ругаться станешь!

– Не стану я ругаться.

– А я говорю, что станешь!

– А я говорю...

Ба не успела закончить фразу, потому что дверь соседней комнаты с шумом распахнулась, и оттуда высунулся всклокоченный дядя Миша.

– Я так понял, в законный выходной мне таки выспаться не дадут?

– Пока не научишься правильно застегивать пижаму, точно не дадут! – парировала Ба. – Надо же было аж на две пуговицы промахнуться!

– Это потому, что я приблизительно застегивался, уже в темноте. А что тут у вас происходит?

Ба кивнула в сторону плаката:

– Да вот, моя внучка сегодня с шести часов утра на ногах. Обрати внимание на ее регалии – любой нобелевский лауреат обзавидует.

Дядя Миша прищурился, чтобы разобрать Манины каракули.

– Магистр наук! Ну надо же! А почему вход в комнату запрещен?

– Потому что Ба смеется надо мной! – пропыхтела Манька.

– Ничего я не смеюсь! Я даже в полном восторге от твоей научной версии о смерти Дарвина.

За дверью воцарилась недоверчивая тишина.

– А что за научная версия? – шепнул дядя Миша.

– Пусть она сама тебе расскажет, – хихикнула Ба.

– Дочка, – постучался в дверь дядя Миша, – у тебя тут на плакате написано, что вход запрещен всем, кто смеется. Но я-то над тобой не смеюсь? Мне-то ты можешь открыть?

– Не могу, – прогудела Манька. – Ты будешь ругаться!

– Да не буду я ругаться!

– А я говорю, что будешь!

– А я говорю...

Ба какое-то время с благодушной улыбкой прислушивалась к перебранке родных, но вдруг всполошилась и напряглась:

– Одну минуточку! Мария, деточка, а ну-ка признавайся, что ты натворила? Ведь дело не в плакате, так? Ты зачем заперла дверь?

В комнате воцарилась гнетущая тишина, зато в замочной скважине с удвоенной скоростью заметался Манин глаз.

- Я же говорю, что будете ругаться, – заныла она.
- Дядя Миша с Ба испуганно переглянулись.
- Не будем! Честное слово, – заверили они хором.
- Поклянитесь! – потребовала Манька. – Моим здоровьем!
- Клянемся твоим здоровьем!
- Я сейчас открою, только вы сразу не заходите, ладно?
- Ладно!

Сначала в двери закопошился ключ, потом послышался топот голых Маниных пяток. Когда дядя Миша с Ба заглянули в комнату, Манька уже летела к своей кровати. Она с разбега ввинтилась головой в подушку и притихла, выставив на всеобщее обозрение обтянутую в теплые пижамные штаны толстенькую попу.

– Чисто страус! – хмыкнула Ба и пошла штурмом на Маньку. Интерьер на предмет разрушений даже не просканировала – за годы жизни с Маней научилась безошибочно распознавать, в какой точке пространственно-временного континуума успела нашкодить ее неугомонная внучка. Сейчас интуиция подсказывала ей, что точка эта находится в том месте, где Маня прячет лицо.

- Показывай, что там у тебя, – потребовала Ба.
- Не буду! – прогудела Манька и сильнее зарылась лицом в подушку.
- Не зарывайся в подушку, дышать нечем, задохнешься!
- Ну и пусть!

– Сама напрасилась! – Дядя Миша вцепился в пятки дочери и принялся их немилосердно щекотать. Манька взвизгнула, выгнулась дугой и выпустила подушку. Ба молниеносно выдернула подушку и одеяло. Зарываться лицом теперь было категорически не во что! Манька засопела, повздыхала, полежала еще какое-то время попой торчком, потом резко села и убрала ладошки с лица.

- Вот!
- Гхмптху, – громко сглотнули дядя Миша с Ба.
- Это я просто нарисовала, не пугайтесь, – успокаивающе замахала руками Маня.
- Как это не пугаться? – Ба наклонилась к внучке, чтобы внимательнее рассмотреть ей лицо. – Что ты с собой сделала, горе луковое?

Горе луковое виновато топорщилось в ответ густонакрашенными смоляными щеками.

- Я себе бороду нарисовала. Как у Дарвина. Фломастером.

– Чем???

– Фломастером. Черным. Чтобы быть похожей на капитана королевского флота. Ну чего вы так на меня смотрите?

Манька не зря беспокоилась. Папа с бабушкой глядели как два каменных изваяния. И если папа хотя бы иногда вздыхал и беспомощно моргал, то Ба совсем не двигалась. Она так и стояла, согнувшись пополам, прижимая к груди подушку с одеялом. Потом, спустя сотню лет, она моргнула, повернулась к сыну и, глядя ему куда-то в пупок, сдавленно простонала:

- Спину свело.
- Чего? – испугался дядя Миша.
- Спину, говорю, свело! – пророкотала Ба. – Сделай что-нибудь!
- Маня, принеси из аптечки тигровую мазь, – встрепенулся дядя Миша.

Пока Манюня летела на кухню за мазью, он помогал Ба улечься в кровать.

– Да что же это такое! – охала Ба, тщетно пытаясь растянуть хотя бы в тупой угол свое скрюченное буквой Г тело. – Что за напасть такая?

- Мария, – перевесился через перила лестницы дядя Миша, – нашла?

- Нет, – крикнула Манька, – в аптечке только бутатионовая мазь!
- Тигровую я в прошлый свой приступ извела, – простонала Ба.
- Могу сбежать к тете Вале, – предложила Маня.
- Одна нога там, другая тут, – крикнул дядя Миша.

Маня накинула на пижаму пальто, надела сапоги и выскочила из дому. Пока она бегала к соседям, дядя Миша принес с верхней полки антресолей специальную шаль из козьего меха. Эта шаль была неизменным спутником Ба во всех ее радикулитных делах. Ба пришила к одному концу шали пуговицу, а к другому – петлю, и в нелегкие дни, когда спину скрючивал приступ, обматывалась ею и торжественно застегивала на животе.

Когда дядя Миша примчался с шалью, Ба лежала на боку и мелко всхлипывала.

- Мам, ты чего, плачешь? – испугался дядя Миша.
- Ой-йе! – взвизгнула Ба. – Ой-йе, зиселе. Ты Маню к Вале послал, да?
- Ну да. А что?
- То-то Валя обрадуется ее бороде!

Конечно, не каждой соседке выпадает счастье наблюдать в раннее воскресное утро бородатого магистра наук и члена королевского общества 1845 Марию Шац Михайловну. Особенно если та врывается с воплем: «Тетя Валя, ой, тетя Мариам, здрастьи, а где у вас тигровая мазь?» – а у вас на руках, в это нелегкое для вашей психики время, спит маленький Петрос. Но по соседству с Ба слабохарактерные люди не выживают, поэтому закаленная тетя Мариам, не моргнув глазом, одной рукой выудила откуда-то из-за спины тюбик мази, а другой оперативно смочила в тутовке ватный шарик и протерла им Манино личико. Не сказать что борода от протирания сошла на нет, скорее подернулась акварельной дымкой, но зато прищипоренная спиртовым духом Манька покрыла обратное расстояние за считанные секунды.

Потом они на пару с дядей Мишей натерли Ба кусачей мазью, обмотали шалью и усадили на кухонный диванчик – руководить. И Ба, как заправский Кутузов, правда, с повязкой не на глазу, а на спине, командовала битвой под названием «Один шлимазл спалил все тесто, а вторая закапала пол сладким соусом». И пока она ворчала, запивая обугленные оладьи сладким чаем, а дядя Миша хватался обожженными пальцами за мочку то одного, то другого уха, Манька, довольная тем, что радикулит Ба спас ее от наказания, каждые пять минут бегала в ванную – смывать бороду хозяйственным мылом. Борода со скрипом поддавалась, но местами держалась просто намертво! Отчаявшись, Манька даже попыталась протереть лицо кусочком пемзы, но тут же бросила эту затею – пемза, может, и отчищала, но вместе с бородой сдираала ещё и кожу.

К десяти часам утра, поднятый Дядимишиным звонком, приехал папа. Конечно, с большим скандалом, но ему таки удалось сделать Ба укол.

- Юрик, ты меня через одежду коли, какая разница! – клекотала Ба.
 - Роза, если ты думаешь, что это первый женский зад в моей врачебной практике, то очень ошибаешься! – хладнокровно набирал в шприц лекарство папа.
 - Лучше бы мы сына Газаровых позвали, – огрызалась Ба. – Он хоть и ветеринар, но повежливее тебя будет!
 - А тебе лишь бы молоденьким мужчинам глазки строить! – не остался в долгу папа.
 - Ну ты когда-нибудь уже сделаешь укол, или мне в такой двусмысленной позе Судный день встречать?
 - Да я уже всё!
 - Как всё? Совсем всё?
 - Ну да!
 - Юрик-джан, я так и знала, что у тебя не руки, а золото.
- Над Маниной бородой папа сначала долго подтрунивал, а потом велел собираться.
- Повезу ее к нам, уж Надя придумает, чем фломастер смыть.

Мама первым делом нанесла на Манино личико густой слой детского крема.

– Чтобы кожа отдохнула, – объяснила.

Манька уже стерла часть своей бороды, поэтому ходила по дому плешивая, но жутко довольная. Мы с Каринкой сначала хотели ее на смех поднять, но потом передумали и сами намазюкались кремом – страдать, так хором. Потом мама протерла Манину бороду огуречным лосьоном и повела умываться в ванную. Два часа остервенелых косметических процедур – и мы получили нашу любимую Маньку обратно – такую, к какой мы привыкли. Чтобы смешная улыбка, пухлые щечки и боевой чубчик. Правда, боевой чубчик от перенесенных Маней очистительных испытаний немного поник, но в целом все равно выглядел непокоренным.

Кто бы сомневался!

Глава 2

Манюня выступает на отчетном концерте, или Оригинальный способ лечения боязни высоты

Один отдельно взятый, может и небольшой, но вполне убедительный прыщик на носу – это целое событие. Знаете почему? Потому что есть что предъявить миру, а особенно – этой противной Ангелине, у которой неизвестно откуда посреди тела выросла грудь. Грудь реально одна, второй еще нет, Ангелина растет в одну сторону, не иначе, но кого это утешает? Никого это не утешает, а уж меня с Манькой – подавно. Потому что Ангелину мы не очень любим. Прямо-таки недолюбливаем. Да что уж душой кривить, терпеть мы эту Ангелину не можем!

Сегодня показательное выступление учеников музыкальной школы. Актальный зал забит до отказа. Вообще-то у нас не очень большой актальный зал, всего на сорок человек. Но сорок человек – это тоже серьезно, особенно когда они уже расселись по деревянным скрипучим стульям и, в ожидании культурных потрясений, с интересом рассматривают лепнину на потолке и темно-зеленые бархатные кулисы. Кулисы тяжелые, волнистые, когда раздвигаются – громко шелестят, а в темноте отдают серебристыми бликами. Лепнина на потолке вся из себя нарядная, обильная, в мелкий выющийся завиток.

В первом ряду на самом почетном месте сидит директор Мария Робертовна, строгая тетечка с усами и даже немножко бородой, если принять во внимание щедро торчащие из круглой родинки на подбородке волоски. Мария Робертовна «преподает скрипку». Манька жалуется, что совершенно невозможно играть на скрипке, когда рядом маячат усы и немножко борода Марии Робертовны.

– Как увижу ее родинку, тут же все ноты вылетают из головы! – кручинится Манька и скорбно трясет непокорным чубчиком. Убедительно трясет, со всей силы. Будь чубчик хоть чуть-чуть накладным, он бы давно отлетел в сторону от такого немилосердного обращения. Но чубчик всамделишный, буйнорастущий, поэтому боевито развеивается над Манькиным лбом и отваливаться не собирается.

Ба Маньке не верит. Ба говорит, что Манька просто выдумывает всякие глупости, лишь бы не играть на скрипке. А ведь нормальному, уважающему себя ребенку из правильной еврейской семьи прямая дорога в Спиваковы!

– А кто такие Спиваковы? – пытит обиженная Манька. Манька не любит, когда ей кого-то ставят в пример, она тут же ошетиливается чубчиком и воинственно оттопыривается круглым пузом.

– Спиваков, а не Спиваковы! Уж не такое в детстве позорище, как ты! А талантливый скрипач, ясно?

Может, конечно, этот Спиваков и талантливый скрипач, мы его не знаем и спорить с Ба не хотим. Наверное, легко быть талантливым скрипачом, когда в далеком детстве с тобой занималась совсем другая, симпатичная преподавательница! А не Мария Робертовна, от одного вида волосатой родинки которой смычок прирастает к струнам, а природный талант сворачивается в кукиш! Опять же, небось у Спивакова была нормальная человеческая семья, которая подавала ему правильный пример. Я бы посмотрела, в кого бы он вырос, будь у него перед глазами такая девочка, как наша Каринка.

Когда упирающуюся Каринку мама с папой привели в музыкалку, у Марии Робертовны чуть родимчик не приключился от абсолютного слуха моей сестры.

– Только на скрипку! – заверещала она. – И только ко мне!

Мы с Манькой уже учились во втором классе музыкальной школы, я – по классу фортепиано, потому что слухом до скрипки не дотянула, а Манька по классу скрипки, потому что

со слухом у нее все было в порядке. И тут в музыкалку приводят Каринку, которая, не моргнув глазом, угадывает с закрытыми глазами все ноты и на память выводит чуть ли не оперные рулады. В воображении Марии Робертовны рисуется триумфальное будущее – вот наша Каринка выступает с симфоническим оркестром в Москве и под овации восторженной публики, вырывая у ведущего микрофон, объявляет на всю страну: «За мою безупречную технику исполнения спасибо большое моей преподавательнице по скрипке Марии Робертовне Маркарьян!» Слезы, фанфары, цветы, занавес. Всесоюзный почет и уважение.

Мария Робертовна, конечно, не подозревала, какую девочку выбрала себе в ученицы, а мы малодушно не стали ее предупреждать. И даже когда вся неприглядная истина о моей сестре открылась нашей отважной директрисе, та сдаваться не стала и с воплем: «Я все равно сделаю из тебя человека», – взялась за дело. И вся музыкальная школа с замиранием сердца наблюдала, как моя сестра упирается играть на скрипке, а Мария Робертовна, злобно ощетинившись усами, пытается сделать из нее знаменитость государственного масштаба. Навроде Спивакова.

Ну и кончилось все тем, что одним дождливым ноябрьским днем, сразу после очередной битвы за звание человека, Каринка воровато прокралась в первый попавшийся по дороге двор и утопила в туалете системы «деревенский сортир» свой несчастный инструмент. Вернулась вся из себя довольная домой и объявила, что в музыкалку она больше ни ногой, хоть убей. А вот в художественную школу очень даже пойдет.

Сначала у нас в квартире случилось легкое светопреставление на тему «ну сколько можно, я спрашиваю, сколько можно»! Мама оттащила Каринку за уши, заперла в детской, тут же вытащила ее обратно и стала выпытывать, куда она подевала скрипку. Каринка какое-то время угрюмилась и выразительно сопела, потом призналась, что скрипка совершенно случайно утонула в выгребной яме.

– Как это утонула? – не поверила своим ушам мама.

– А вот так. Взяла и утонула. С концами! – пожала плечами Каринка.

Мама какое-то время хватала ртом воздух, потом махнула рукой и побежала вести с папой переговоры о второй скрипке. Папа сразу предупредил, что на второй инструмент денег у него нет. И что нервы у него совсем тонкие, того и гляди порвутся, а без нервов он за себя не отвечает. Папа всегда так говорит, когда его склоняют к непредвиденным расходам.

Мама погоревала-погоревала, да и смирилась со своей участью. Потому что очень хорошо знала дочку и понимала, что если уж та уперлась – то это до победного. А что такое в Каринкином случае «до победного» – не надо никому объяснять. Какая-нибудь леденящая душу варварская выходка – вот что это такое. Поэтому родители решили пойти путем наименьшего сопротивления и перевели сестру в художку. Правда, им пришлось долго упрашивать нового директора, чтобы он согласился на такую ученицу. Ибо слава о проделках сестры опережала ее на многие километры. Как артиллерийский обстрел – наступление пехоты, например. Или как противная контрольная с инспекторами от районо – долгожданные летние каникулы.

Мы с Манькой шибко завидовали Каринке, но пойти по ее стопам позволить себе не могли. У меня была вообще беспросветная ситуация – пианино утопить в выгребной яме я при всем желании не смогла бы, а загоревшейся было Маньке Ба в два счета объяснила, что с ней сделает, если та попытается последовать Каринкиному примеру. И дело закончилось тем, что мы с Манькой остались в музыкалке и, проклиная все на свете, по два часа в день калечили мировую классику, а Каринка бодро малевала свои натюрморты и называла нас неудачниками.

Ладно, вернемся к концерту, а то я что-то увлеклась. Итак, актовый зал забит до отказа преподавателями и родителями, в третьем ряду, ближе к выходу, сидит дядя Миша, поправляет на переносице очки и ведет оживленную беседу с мамой девочки Лусинэ. Мама девочка Лусинэ вся из себя румяная, блестит глазами и изысканно смеется в ответ – откидывает голову, прикрывает ладонью рот и давай выводить «кы-кы-кы-кы-кы». Одним словом, кокетничает с

дядей Мишей напропалую. Манька сердито сопит в занавес, я стою рядом, в платочке, повязанном аккуратным узлом под подбородком.

Потом начинается концерт. И вот Ангелина стоит посреди сцены, такая вся крахмальная-отутюженная, аккуратный, волосок к волоску, пробор, в длинные косы вплетены два больших, совершенно волшебных банта – почти прозрачные, они густо обсыпаны серебристой мушкой, и если прищуриться, то кажется, будто вокруг кос роятся блестящие светлячки. Юбка на Ангелине темная, в складку, сидит не набекрень, с вывернутым подолом или пуговицей на пузе (когда этой пуговице место на боку), а как надо сидит, правильно. И колготки на ней гладенькие, не пузырятся на коленях, как обычно бывает. И блузка на ней красивая, с рюшечками возле горла, в обтяжку. И из этой обтяжки торчит грудь! Маленькая такая, совсем даже крохотная, но грудь!

А я стою за сценой в платочке. То есть играть мне сейчас этюд Черни вот в таком позорном виде. И даже победно вылезший аккурат к концерту Манин прыщик на носу не утешает. Хотя за подругу я очень радуюсь, ага. Мы сегодня целый день этот прыщик изучали: и так

посмотрим, и эдак, и в профиль, и анфас. С какой стороны ни любуйся – получается невероятная красота. Но мне-то от этого не легче! Душа все равно ноет из-за такой несправедливости. Ангелине выступать с грудью, Маньке – с прыщиком, а мне – в косынке. Эх!

Вот вы меня спросите, чего это я так сумбурно рассказываю. Начала с Ангелининой груди, потом про скрипку в выгребной яме вспомнила, про триумфальный Манин прыщик. Намекнула про свою косыночку. Где логика, спросите вы! Логика нет, спорить не буду. Это я так просто разогреваюсь, чтобы наконец поведать вам, как все на самом деле случилось. Так сказать, набираюсь храбрости.

Ладно, не вилать же мне бесконечно хвостом. Начну еще раз, с самого начала.

В общем, так. Наступила весна, и как-то сразу стало тепло. Еще недавно народ кутался в пальто и ходил в сапогах, а сегодня уже все в куртках и ботинках. Вот и мы с Манькой, расфуфыренные, она в своей желтой курточке и вязаной красной шапке, а я в голубом легком пальто, солнечным практически вторником шли на занятие по сольфеджио. Вообще никого не трогали, просто шли по улице. Манька несла скрипку, потому что после сольфеджио у нее занятие по специальности, а я тащила папку с нашими нотными тетрадками и книгами. Культурно обсуждали Баха. Ну то есть как обсуждали, прямо-таки осуждали!

– Вот эти его фуги! – кривилась как от зубной боли я. – Как можно было такую скучную музыку сочинять? И нас еще заставляют ее играть!

– Да уж! – поддакивала Манька. – Даже не знаю, что может быть скучнее его фуг. Если только прелюдии?

В процессе оживленной беседы мы дошли до моста, ведущего к базару. Мост перекинут через небольшую речку – она разделяет наш городок ровно пополам и, весело журча, мчит в сторону старой крепости, где вливается в большую реку Тавуш. Мы какое-то время постояли на мосту, повздыхали, глядя вниз, в мутные по весне быстрые воды.

– В принципе, – задумчиво протянула я, – в принципе, твою скрипку можно было бы и здесь утопить.

– В принципе да, – согласилась Манька.

Выражение «в принципе» мы выучили совсем недавно, и оно нам очень нравилось. Поэтому мы его часто и увлеченно употребляли.

– Но тогда бы тебе пребольно влетело от Ба.

– Это да, в принципе, все так и есть. А знаешь, чего я думаю? – сосредоточенно засопела Манька. – Знаешь, почему музыки Баха называются фуги?

– Почему?

– Потому что от слова «фу». Понимаешь? Вот когда тебе что-то не нравится, ты говоришь «фу-у-у»! Вот и тут получается – фу-ги!

– В принципе, правильно, – важно повела бровями я. – А что тогда означает «ги»?

– Ги?

– Ну да! Ты же говоришь: «фу-ги». Что означает «ги»?

– Надо подумать! – Помпон Манькиной шапки свесился вниз, она качала головой туда-сюда, помпон качался в такт, и все это выглядело очень завлекательно. Жаль, у моей шапки нет помпона, а то я бы тоже так забавлялась. Но перевешиваться с моста вниз головой не стала бы. Я высоты боюсь.

– Ги, – повторяла Манька в такт помпону. – Ги-ги. Нарка, мы с тобой дуры.

– Это почему?

– Потому что не «ги», а «га», понятно? Фуга, а не фуги.

– Тогда понятно, – шмыгнула носом я.

– Это чего тебе понятно?

– Про «га» понятно. Кто говорит «га»? Гуси!

– Гуси, ага. Гуси-гуси, га-га-га!

– Ну вот и ясно. Фу-га. Идиотское слово для дурацкой музыки.

Манька резко вскинулась, помпон, пролетев круглой дугой, угнезвился на своем законном месте. Помпон большой и пушистый, прикреплен к шапке длинной шелковой тесьмой, и, когда Манька бежит по улице, он весело подпрыгивает круглым мячиком.

– В принципе, все верно, Нарка. Идиотское слово для дурацкой музыки.

Потом мы с Манькой принялись обсуждать завтрашний показательный концерт. Наша музыкалка гордо именуется Бердской музыкальной школой № 1. Зачем кто-то взял и пронумеровал одну-единственную музыкальную школу, не очень понятно. Не иначе на вырост пронумеровали, в надежде, что вскорости в городке появится вторая музыкальная школа.

Но пока это вскорости не случилось, музыкалка в Берде одна, и раз в год, в марте, она организывает концерты для родителей и других отчаянных людей. Хвастает умением своих учеников терзать инструменты.

Сначала мы оживленно обсудили завтрашний концерт. Можно сказать – по душам поговорили. Потом внезапно вспомнили про сольфеджио и припустили что было мочи – опаздывать на занятие никому не хотелось. Так здорово припустили, что влетели в кабинет аж за пять минут до начала занятия. И встали на пороге как вкопанные. Любой человек встал бы как вкопанный при виде сидящей за первой партой Ангелины.

Ангелина сидела неимоверно гордая, в тонкой кофте. Чуть ли не выгнувшись дугой. И из этой выгнутой дуги торчала одинокая грудь. Мы даже не сразу поверили глазам своим. Потом стряхнули оцепенение и прошлись несколько раз вдоль первого ряда парт, впереди Манька, следом я, смотрели прямо, но отчаянно косились в сторону Ангелины. И чего? Наваждение не исчезало. Видимо, пока в зимние холода мы ходили в теплых кофтах, грудь вырастала и аккуратно к весеннему теплу выросла. А тут Ангелина надела тонкую кофту, и на тебе!

В классе наблюдалось лихорадочное оживление. Девочки жались по углам и тихо шушукались, периодически оборачиваясь к Ангелине. Мальчики скакали по партам, устраивали потасовки, гикали и всяко выделялись. Приноравливались правильно реагировать на Ангелинины формы. Если можно было бы убивать взглядом, Ангелина давно бы уже была мертва. Или у нее счастливо отвалилась бы новоприобретенная грудь. Но так как взглядом убивать третий класс Бердской музыкальной школы № 1 не умел, то Ангелина так и восседала за первой партой с гордо вытаращенной грудью.

Мы с Манькой чуть не задохнулись от такой несправедливости. Эта Ангелина – прямо как бельмо на глазу! Мало того что она – лучшая ученица в классе, и диктанты по сольфеджио пишет на одних пятерки, мало того что она всегда выглядит очень опрятно, и прическа у нее какая надо прическа, а не как у нас – словно курица лапой в волосах ковырялась, так еще у нее выросла грудь! Слева!

Диктант по сольфеджио – наше больное место. Его мы пишем из рук вон плохо, обязательно запутываемся в пунктирном ритме. А если дело доходит до восьмушки с точкой или, там, шестнадцатых – то это полный провал. Серго Михайлович, когда наигрывает на фортепиано очередной отрывок произведения, оборачивается ко мне и Маньке и чуть ли не глазами своими разношерстными семафорит, намекая, где увеличивается доля такта, где большой мажорный септаккорд, а где вообще малый минорный. Но мы с Манькой все равно расписываем диктант так, что Серго Михайлович потом места себе не находит от чувства огорчения за таких тупых детей!

Занятие по сольфеджио мы с грехом пополам досидели. Закидали друг друга записками волнующего содержания.

«Я бы на ее месте пришла в свитире, – писала мне Манька, – ижь чего надумала, пришла в кофте тонкой!»

«Бистыжая она, эта Ангелина, – строчила я в ответ, – никогда не думала, что она такая бистыжая».

«Нарка, бистыжая пишется с двумя зз, кажется. Вот так – биззтыжая», – последовал укоризненный ответ.

«Значит биззтыжая», – не стала спорить я.

«В принципе биззтыжая и вонючка!»

«И в попе спичка!»

На этом интригующем месте налетел Серго Михайлович и отобрал у нас записку. Хорошо, что разворачивать не стал, просто выкинул в урну. Пригрозил двойкой по поведению, но в журнал ничего заносить не стал. Серго Михайлович вообще нас с Манькой очень любил, уж не знаю почему. Может, даже потому, что мы самые слабенькие по диктанту.

После занятий, кругом в смешанных чувствах, мы побрели домой. Чтобы усугубить себе страдания, пошли зловредно через базар. У Маньки в кармане нашлась копейка, на копейку ничего не купишь, если только коробок спичек. А кому нужен коробок спичек, когда кругом продается сладкая воздушная кукуруза, разноцветные карамельные петушки на палочке и всякая другая вкуснотень? Мы даже какое-то время постояли возле продавщицы карамели, жалобными стенаниями мозолили ей уши. Но она оказалась очень стойкой, на наши стенания не купилась, более того – с криками отогнала нас прочь, мол, идите отсюда, всех клиентов своими перекошенными лицами распугали.

– Тетенька, – сказала укоризненно Маня, – вот если бы мы были совсем без денег, то это другое дело. А у нас целая копейка, а вы ругаетесь!

Но тетенька не вняла укоризненному тону Мани и велела идти с нашей копейкой куда подальше, потому что карамельный петушок стоит ровно пятнадцать копеек и ни копейкой меньше!

– Вот когда раздобудете недостающие четырнадцать копеек, тогда и приходите! – сердито выкрикнула в наши удаляющиеся спины продавщица.

И мы пошли к нам домой. С визитом Маниной вежливости к моей семье.

– Посижу немного и пойду, завтра много чего по математике задали, одних задач целых три штуки! – вздохнула Манька.

Первым делом мы нажаловались маме. На тетечку с рынка, на показательный концерт, на Серго Михайловича и вообще.

– А что вообще? – полюбопытствовала мама.

– Ну так, по мелочи, – не разжимая губ, промычала я.

– Про мелочи особенно люблю послушать, – напирала мама.

Пришлось сдаваться и рассказывать, что у Ангелины выросла грудь.

– Одна, но выросла, – прозудела Манька.

– Вот тут, – ткнула я себе пальцем в ребра. Ребра отозвались деревянным стуком.

Мама рассмеялась и объяснила, что всему свое время. И что у всех девочек по-разному бывает. У кого грудь в десять лет вырастает, а у кого вообще в тринадцать.

Мы тут же вытянулись лицами и заявили, что ждать до тринадцати лет не намерены. И подавайте нам грудь прямо сейчас. И желательно две, а не одну, как у Ангелины.

Мама была очень занята – готовила обед.

– Идите поиграйте в детской, я сейчас быстренько закончу, а потом мы поговорим с вами, – велела она.

И мы пошли к себе – горевать в библиотеку мировой литературы для детей. Но горевать у нас не получилось. Потому что, как только мы вошли в детскую, тут же столкнулись с Каринкой. И не просто с Каринкой, а с Каринкой со шваброй в руках!

– Ты чего это? – подозрительно прищурилась Манька.

– Да так! – Каринка сделала невинное лицо и открыла балконную дверь. – Я на минуточку.

– Чего это на минуточку? – припустили мы за ней.

– Да вот интересно, дотянусь я шваброй до потолка или нет?

– А зачем тебе это?

– Ну что вы ко мне пристали? Может, я проверяю, выросла я за зиму или нет! Осенью не дотягивалась, так?

– Так! – неуверенно мявкнули мы. Никто из нас не помнил, чтобы Каринка измеряла себе рост шваброй.

– А сейчас проверим, выросла или нет.

Сестра встала на цыпочки и попыталась дотянуться шваброй до потолка. Тщетно.

– Дай мне, – попросила я.

– Нет, мне! – вцепилась в швабру Манька.

– Ну куда тебе, ты ведь ростом чуть ниже Каринки, точно не дотянешься!

– Может, у меня руки длиннее, – пропыхтела Манька.

Видимо, руки у Маньки были совсем обычные, поэтому дотянуться до потолка она не смогла. А следом настал час моего триумфа. Потому что в высоком прыжке я все-таки дотягивалась шваброй до потолка, что я с радостью и продемонстрировала.

– Видали?

– Очень надо! – фыркнула Каринка. – А я могу перегнуться через перила и свеситься вниз головой! А ты фиг сможешь, ты высоты боишься!

И они на пару с Манькой стали дразнить меня дылдой.

Спорить с ними я не умела, поэтому решила действовать. А так как высоты я панически боялась, то действовать решила хитро: ринулась в другой конец балкона и с криком: «А слабо сделать так, как я?» – просунула голову в щель между металлическими прутьями перил. Голова с трудом, но протиснулась. Стоять, согнувшись пополам, было неудобно, я встала на колени, вцепилась руками в перила и победно глянула налево.

– Ну?

Девочки какое-то время издали с любопытством разглядывали меня.

– И что в этом такого интересного? – наконец отозвалась сестра.

– Ну как же, вот я и перевесилась, – фыркнула я и попыталась втянуть голову обратно.

По изменившемуся выражению моего лица девочки поняли – что-то тут не так.

– И чего? – на всякий случай полюбопытствовала Манька.

– Это... – забегала я глазами. – Не могу вытащить голову!

– То есть как это не можешь?

– Застряла! – Я дернулась со всей силы и взвыла – прутья больно упирались в уши.

Девочки рьяно кинулись меня спасать. Сначала они вцепились мне в плечи и попытались силой втащить обратно.

– Ты только потерпи чуточку, – уговаривала меня Манька.

– А-а-а-а-а, – орала я, – не трогайте меня, бо-о-ольно!

– Надо ей на голову надавливать руками, – внесла рацпредложение Каринка, – Мань, ты тяни ее за плечи, а я буду надавливать.

И, свесившись через перила, сестра вцепилась пальцами мне в глаза.

– На счет «три» я надавливаю, а ты тянешь! – велела она Мане. – Раз! Два! Три-и-и-и!

– И-и-и-и-и, – забилась я в истерике, – вы мне уши поцарапали-и-и-и-и!!!

На мой крик прибежала мама. Тут же начала причитать про «ну сколько можно»! С нижнего этажа высунулась соседка тетя Маруся, с верхнего свесилась соседка тетя Бела.

– Надя, попытайся прижать ее уши к голове так, чтобы она пролезла! – инструктировала тетя Маруся.

– Да она не только ушами упирается! – Мама вертела моей головой во все стороны, пытаюсь помочь мне освободиться.

– Я знаю, что нужно делать! – Каринка просунула швабру в перила и навалилась всем телом, чтобы раздвинуть прутья. Маня перевесилась через перила, вцепилась в другой конец швабры, с силой потянула на себя.

«Хрясь!» Швабра сломалась пополам и, преболно зацепив одним краем мое многострадальное ухо, повисла хомутом на шее. Я опять взвыла.

Через несколько минут под нашими окнами собралась толпа зевак. Дети откровенно гоготали, мамы ахали и причитали. Я готова была сквозь землю провалиться. Тщетно пыталась сделать вид, что это вообще не моя голова из балконных перил торчит. А даже если и моя, то она вовсе не застряла, а так просто, высунулась подышать свежим воздухом. Взбодриться, так сказать, высунулась.

Тетя Бела ставила на своих балконных перилах эксперименты – пыталась раздвинуть их скалкой, потом притащила металлическую трубу от пылесоса.

– Надя, а что, если натереть ей голову чем-нибудь? – пропыхтела она сверху.

– Чем? – встрепенулась мама.

– Чем-нибудь скользким. Да хоть мылом!

– Сейчас принесем мыло! – ринулись в ванную Каринка с Маней.

– И в ковшике водички принесите, – крикнула им вслед тетя Бела.

– Вы что, мне голову тут мыть будете? – прокряхтела я.

– Нет, горе луковое. Намылим волосы, авось тогда голова легче проскочит.

К тому моменту, когда девочки приволокли мыло с водой, движение по улице Ленина было полностью парализовано – встали машины, а из продуктового магазина напротив высыпала огромная очередь и, сгрудившись за палисадником нашего дома, с любопытством наблюдала представление. Периодически фонтанировала суждениями.

Кто-то, например, предложил сбегать за пилой.

– Зачем за пилой?

– Отпилим прутья, вон они какие толстые, так просто не раздвинуть.

– Мам, не надо пилы! – зашипела я.

– Не будет никакой пилы, мы тебя так вытащим. Закрой глаза.

Под одобрительный гул толпы мама намочила мои волосы и тщательно намылила. Уши мигом зашипало – видать, мы их здорово поцарапали, пока вырывали меня из балконного плена.

– Больно! – заныла я.

– Потерпи немножко, сейчас уже всё. – Мама взбила на волосах мыльную пену, натерла мылом перила.

– Пусть она смотрит не вниз, а прямо. Авось так легче голова протиснется! – крикнул кто-то из болельщиков.

– Не надо, – заверещала снизу тетя Маруся, – голова небось уже, когда вниз смотришь, а не когда прямо!

К сожалению, маневры ни к чему не приводили – моя несчастная черепушка в любом положении оказывалась шире, чем проем в перилах, и отказывалась пролезать обратно! Я уже откровенно рыдала на всю улицу – ноги-руки от неудобного положения ломило, шея затекла, да и стыдно было ужасно!

– Подсолнечное масло! – выступила с новым предложением толпа. – Надо ей голову подсолнечным маслом полить!

Мама ринулась на кухню за бутылкой с маслом, щедро полила мне голову.

– А-а-а-а, – взвыла корабельной сиреной я, дернулась, вывернувшись боком и внезапно вылезла в перила по пояс.

– Стой! – Мама схватила меня за шиворот.

– Все правильно! – заверещала толпа. – Голова пролезла – значит, и туловище пролезет.

Она же худющая, как жердь.

К счастью, тут прибежал старший сын тети Маруси, они на пару с мамой вцепились в меня что было сил, выволокли через перила и затащили на балкон.

– Ура! – заревела толпа.

– Ба-а-а-а! – разрыдалась, теперь уже от счастья, я.

Первым делом мама помогла мне вымыться. Я выла и отбивалась – уши страшно зудели. Потом мама щедро обработала царапины йодом, еще и зеленкой обработала – балконные перила местами проржавели, и она боялась, что я подхвачу инфекцию.

Ночь я провела исключительно на спине. На боку лежать не получалось, болели уши. Попытка поспать на животе не увенчалась успехом – задыхалась в подушку.

С утра уши раздулись и пульсировали так, что я дергала в такт головой. Мама дополнительно обработала царапины мазью Вишневского. В школу я не пошла, горевала дома. Периодически подходила к зеркалу и кручинилась на свое отражение. Наотрез отказалась выступать на концерте.

Но после школы прискакала Манька, долго демонстрировала мне вылезший на носу прыщик, мы его разглядывали и так и эдак, и перед окном, и в ванной, под большой белой лампой.

– Видишь, – волновалась Манька, – я тоже взролею. Вон, у меня прыщи пошли. Будет чем сегодня дразнить эту препротивную Ангелину.

– Но я же в таком виде не пойду? – попыталась отбиться я.

– Ты чего? – разобиделась Манька. – Как это не пойдешь? Обязательно пойдешь, повяжем косыночку, и пойдешь.

Отказывать Маньке я не умела. Поэтому молча дала маме повязать мою многострадальную голову шелковым платочком. Мама предварительно обложила уши марлевыми тампонами и прикрепила их пластырем к туго сплетенным в косичку волосам.

– Потом аккуратно оторвем, главное, чтобы мазь не протекла, – объяснила она.

Я щедро оплакала свой попорченный экстерьер. Щедро, но недолго, потому что скоро за нами заехал дядя Миша, и мы с Манькой, торжественно загрузившись в Васю, поехали на концерт. Дядя Миша всю дорогу посмеивался надо мной и называл Чебургеном.

– Длинная, как крокодил Гена, и ушастая, как Чебурашка, – повторял он и так смешно передразнивал выражение моего лица, что мы с Манькой покатывались от хохота.

Концерт, вопреки нашим ожиданиям, очень даже удался. Сначала мы подразнили Ангелину Манькиным прыщиком, Ангелина немного сникла и сбавила градус своей выгнутой спины. Но на сцену все равно вышла победительницей.

– Очень надо! – фыркнули мы.

Потом настал черед Манькиного выступления. Она выплыла, торжественная, на сцену, подставила освещению украшенный прыщиком нос и сыграла фрагмент из «Крестьянской кантаты» Баха так, что у Марии Робертовны от гордости за ученицу залоснились усы.

А потом настал черед моего выступления.

Публика, наслышанная о моих вчерашних подвигах, встретила меня овациями. Дядя Миша вообще несколько раз вскакивал с места, хлопал громче всех и кричал «браво»!

Я победно повернулась к кулисам. Сладко улыбнулась вытянувшемуся лицу Ангелины. Села за фортепиано, поправила на голове косынку. Сыграла этюд на одном дыхании. Под одобрительный гул публики повторила на бис.

Ушла, гордо чеканя шаг.

Это было самое триумфальное наше выступление. Боюсь, что ни до, ни после мы с Манькой не играли так хорошо, как в тот день. Думаю, случись у нас по горячим следам диктант по сольфеджио, мы бы написали его на пятерку с плюсом.

Манькин прыщик Ба вечером с боем обработала мазью, и на второй день, к большому нашему сожалению, от него не осталось и следа. Больше прыщиков на Манькином пути не случилось.

Грудь Ангелине мы со скрипом, но простили. Решили, что всему свое время, и прекратили завидовать. Написали ей утешительную записку. Ангелина очень обрадовалась и призналась нам по секрету, что сильно переживала и иногда даже плакала по ночам.

– Почему?

– Боялась, что вы меня дразнить будете.

– Ну ты и дуручка! – всплеснули мы руками.

Но что самое удивительное – после эскапады с балконными перилами страх перед высотой у меня прошел. То есть улетучился насовсем.

Вот такой странный способ лечения боязни высоты.

Ба назвала это явление «феноменом чистой воды». Нам с Манькой так понравилось новое выражение, что мы теперь его часто употребляем. По делу и просто так, для удовольствия. Потому что уж больно красиво звучит!

Глава 3

Манюня, народные ремесла и прочие хлопотные дела

На дворе весна, самый разгар. На излете суматошный, изливающийся косыми снежными дождями март. В этом году он выдался особенно сумасшедшим – чистое утреннее небо к полудню застилали низкие облака, в воздухе кружились редкие, мелкие снежинки, и от этого как-то сразу становилось по-зимнему холодно и неуютно. Потом внезапно снова выглядывало солнышко, и затихшие птички заводили свой радостный щебет. А вечерами поднимался сильный ветер, гудел в водосточных трубах, кружил во дворах воровато подхваченными обрывками старых газет да всякой другой ненужной чепухой, громко стучал ставнями окон.

Мама ходила через день бледная, с туго обвязанным лбом, потому что она у нас очень чувствительная ко всяким погодным переменам. Как только дома заканчивались таблетки анальгина, или я, или Каринка мигом подрывались в аптеку, иначе, если дело довести до мигрени – без скорой не обойтись. От мигрени мама делается совсем бледной, лежит пластом на диване, морщится от малейшего шума и тихо стонет. Приходится сразу же набирать 03, прибегает тетя Света, мамина подруга, делает ей укол, закрывает дверь в комнату и велит нам вести себя тихо, чтобы мама могла отоспаться. Насчет «прибегает» я не вру, тетя Света действительно прибегает, потому что от поликлиники до нас быстрым ходом минут пять, а пока разъезжающая по городу или ближайшим селам машина скорой помощи приедет – пройдет целая вечность. Вот тетя Света, услышав в трубке позывные «мигрень», тут же и мчится к нам на всех парах, со шприцем наперевес.

А потом строго-настрого велит не мешать маме отдыхать.

Чтобы мама смогла отоспаться, надо вести себя тише воды ниже травы. Поэтому мы запираемся в кабинете, это самая отдаленная от родительской спальни комната. Гаянэ вытаскивает свои игрушки и шепотом их муштрует, мы с Сонечкой увлеченно лепим пластилиновых уродцев, а Каринка сдерживается из последних сил, чтобы не отмузгивать нас. В такие минуты, когда она строит из себя послушную девочку, в моей душе начинает теплиться робкая надежда, что не все еще потеряно, и настанет тот счастливый день, когда сестра вырастет в адыкв... адаква... ну, в общем, в нормального человека. Правда, в следующий миг эти робкие надежды разлетаются в прах, потому что доведенная пятиминутным прилежным поведением до отчаяния сестра сдергивает с подлокотника широкого кресла клетчатый плед и кидается в меня. Я метко лягаюсь в ответ, но пластилиновых уродцев лепить не прекращаю – если остановиться, Сонечка тут же вспомнит о маме и потопает к ней. А если ее удерживать, она поднимет такой ужасный вой, что у мамы снова приключится мигрень.

Наша Сонечка басит прямо с самого своего рождения. Такое с маленькими девочками чрезвычайно редко, но случается. Когда ее привезли из роддома, мы со всех сторон обступили крохотный сверток и долго умилялись, разглядывая нашу новую маленькую сестру. Она была ужасно хорошенькая, с круглыми васильковыми глазами и длинными темными ресничками. Мама хвасталась, что это редкое явление, когда у светленькой златокудрой и голубоглазой девочки случаются такие густые темные реснички, словно кто-то с рождения подвел их тушью. Вот мы и стояли вокруг Сонечки, ахали на ее неземную красоту, гладили крохотные пальчики. Сестре сначала такое обхождение нравилось, она чмокала губами и даже пыталась улыбаться нам, но потом ей это надоело, и она решила раз и навсегда показать, кто в доме хозяин. И завыла настоящим сигналом тревоги, которым в военное время зазывают людей в бомбоубежища.

– Это что такое? – подскочил папа. – Это как понимать?

– Понимайте как хотите, только дайте мне ее покормить, пока она не выбила своим воем стекла в окнах, – расстегивая на груди кофту, перекричала новорожденную маму.

По этой причине дома все ходят перед Сонечкой на цырлах. А то не всякий в состоянии адвык... адывак... тьфу ты! В общем, не всякий в состоянии нормально реагировать на пронзительный вой сирены, который каким-то удивительным образом извлекает из себя наша маленькая Сонечка. К счастью, она очень улыбочный и добродушный ребенок и срывается на крик крайне редко. Но в те нечастые минуты, когда Сонечка срывается на крик, всё живое в округе начинает скучиваться в мелкие стаи, чтобы сняться с насиженных мест и переехать в другие, не столь громкие края, а дядя Миша грозит уйти с работы в неоплачиваемый отпуск и пустить его на конструирование специального глушителя для Сонечкиных голосовых связок.

Поэтому, когда у мамы случается приступ мигрени, задача у нас такая – продержаться по возможности тихо в кабинете до того момента, когда папа освободится от пациентов и увезет нас к Ба, чтобы мы побыли там до вечера, пока мама отсыпается. У Ба, конечно, очень здорово. Там Манька, там дядя Миша, там тутовое дерево, по которому можно лазать вверх и вниз. Правда, в холодное время года особенно по нему не ползаешь, поэтому мы придумываем себе параллельные утешения. Например, если погода располагает, ходим на задний двор – кормить кур. Впереди вышагивает Манька, вся из себя важная, несет большой эмалированный тазик с кормом. Ба разное замешивает в этот корм, когда пшеницу с ячменем, когда просо с зернами кукурузы, когда вообще травы какой туда накрошит.

За Манькой, завистливо скривив рты, следуем мы с Каринкой – ведь каждой хочется понести этот тазик с кормом. Но Манька никому его не уступает, объясняя это тем, что только она умеет аккуратно ходить по заднему двору, потому что живет тут и вообще все знает.

– А то мы не знаем, – шмыгаем носом мы с Каринкой.

– Не знаете! – водит плечом Манька. – Вот, например, вы знаете, что папа вчера вытащил из погреба бочку? Знаете?

– Нет, – раздается наше нестройное мычание. – А чего это он ее вытащил?

– Ну, скоро дожди и все такое, и вообще огород поливать, вот он ее и поставил на старое место, прямо здесь, за углом, под водосточной трубой. То есть на заднем дворе каждый день что-то меняется, поэтому корм носить должен тот, кто живет в этом доме, ясно? – Манька оборачивается к нам и глядит строго, сведя к переносице бровки домиком.

Мы с Каринкой молчим. Сразу соглашаться с оппонентом последнее дело, надо сначала поупрямиться, изложить, в конце концов, свои аргументы. При желании можно изложить аргументы прямо здесь, не отходя от тазика с кормом, но драка – дело чреватое. Почему чреватое? Потому что если глянуть вверх, то в окне застекленного балкона можно увидеть три пары неотступно следящих за нами глаз. Глаза принадлежат Ба, Сонечке и Гаянэ. Гаянэ маячит внизу, еле выглядывая из-за высокого подоконника, а Сонечка с комфортом устроилась на руках у Ба. И все трое, затаив дыхание, смотрят, как мы гуськом идем к курятнику. Особенно зорко следит за нами Ба. Она вообще не умеет расслабляться, когда наша троица собирается вместе. Так и стоит, встопорщившись, грозно присборив морщинки вокруг рта, и глядит сурово нам вслед. Прямо-таки сверлит. В такой непростой ситуации приходится вести себя осмотрительно. Поэтому мы мирно топчемся за Манькой, а она шествует перед нами, чуть ли не тазиком с кормом победно размахивает.

Так и добираемся до курятника, мы с Каринкой несолоно хлебавши, а Манька вся довольная, хозяйка положения. При виде нас в курятнике начинается светопреставление. Хоть про кур и говорят, что мозгов у них нет и они вообще дуры, но эти куры очень даже мозговитые, и память у них какая надо память. Крепкая. Поэтому при виде нашей боевитой троицы они с шумом взлетают на самые верхние жердочки и сидят тихо-тихо. Не высовываются. А петух так вообще прикидывается чучелом. Объясняется такое поведение очень просто. Однажды Манька по следам просмотренного фильма про королей и прочую знать загорелась желанием

стать владелицей веера из страусовых перьев. Так как в обозримых окрестностях страусы не водились, чтобы из их хвостов повыдирать перья, Манька погоревала-погоревала и переключила свое внимание на петуха.

Ба строго предупредила, чтобы никто даже не смел прикасаться к нему хоть пальцем!

– Он периодически теряет перья из хвоста, вот ходи за ним и подбирай, понятно? – велела она внучке.

– Понятно, – кивнула Манька и принялась истово ходить за петухом.

– Главное, чтобы он грохнулся, но не умер, – рубила воздух ребром ладони сестра, – иначе Ба нас со свету сживет! А если ударить его умеючи, то он немножко упадет в обморок. И пока он будет лежать без сознания, мы повывираем перья из хвоста. Сколько нам перьев надо?

Мы уставились на Маньку – решать ей. Манька повздыхала, возвела глаза к потолку, проделала какие-то расчеты, беззвучно шевеля губами.

– Штук десять перьев будет достаточно, – наконец изрекла она.

– Ну вот! – обрадовалась Каринка. – Штук десять – это всего ничего. Огреем, перья повывергиваем – и всё!

– И всё? – эхом отозвались мы.

Нам с Манькой Каринкина идея не очень нравилась. То есть в целом она была какая надо идея, результативная, но уверенности, что петух счастливо переживет удар тяжелой кадкиной крышкой, у нас не было.

– А если мы его убьем?

– Да не убьем мы его! – Сестра принялась натягивать куртку. – Пойдем, хотя бы попробуем.

В деревянной кадке Ба засаливала белокочанную капусту – со свеклой, морковью, петрушкой, дольками чеснока, лавровым листом и горошинами черного перца. Такую капусту очень вкусно есть с отварной, жареной или печеной картошкой, а еще добавлять в тарелку с густым, щедро приправленным свежей зеленью супом из красной фасоли. А еще из нее получается очень полезный зимний салат. Ба тонко шинкует хрусткую, аппетитно пахнущую капусту с головкой репчатого лука, поливает подсолнечным маслом, заправляет обязательной свежей зеленью и зернами граната и выставляет на стол. Салат исчезает за считанные минуты – мы поглощаем его со щедро намазанными сливочным маслом ломтями черного хлеба и запиваем домашним компотом из алычи. А Ба, довольная, ходит кругами и налюбоваться на нас не может. Она вообще сильно радуется, когда мы с аппетитом едим. Особенно радуется, когда ем я.

– Может, прекратишь наконец костями греметь! – приговаривает она, подсовывая мне бутерброды и прочую снедь.

Напустив на себя фальшиво-беспечный вид, мы выскользнули за дверь и аккуратно, по стеночке, прокрались в погреб. Кадка стояла на своем законном месте, в дальнем углу. Каринка вцепилась обеими руками в крышку и потянула на себя. Крышка нехотя поддалась, а погреб мигом наполнился ядреным духом капустного рассола.

– Мы сейчас, мы недолго, – зачем-то объяснили мы кадке и потопали на задний двор.

Теперь дело было за малым – запулить крышкой в петуха так, чтобы он не окочурился от такого неожиданно свалившегося на голову счастья, а стоворчиво грохнулся в непродолжительный обморок.

Петух, несколько взлохотненный нашим пристальным вниманием, но уверенный в своей непотопляемости, ходил среди кур расфуфыренным восточным визирем, переливаясь роскошным, темно-зеленого окраса хвостом. Куры, преданно квохча, семенили окрест и ковырялись в земле. О грядущих переменах в своей жизни опрометчиво не подозревали.

Мы, затаившись за курятником, какое-то время наблюдали за ними.

– Ну чего ты медлишь? – поторопила Манька Каринку. – Кидай уже в него крышкой!

– Подожди, – шикнула Каринка, – надо умеючи кинуть, с подвывертом!

– С каким это подвывертом?

– Ну как камушки в воду кидаешь, по касательной, а они от воды отскакивают. Понимаешь?

– Тебе надо, чтобы крышка не только от петуха отскочила, но и от всех остальных кур? – вспотела Манька.

У Каринки затуманился взор. Она представила, как деревянная, пахнущая соленьями крышка, метко дубася по несчастным куриным гребешкам, низко летает по заднему двору. Воображение нарисовало ей такую прекрасную картину, что она сразу же решила воплотить ее в жизнь.

– Ага, – воинственно шмыгнула носом сестра, завертелась на месте, как заправский дискбол, и кинула свой снаряд в самую гущу пернатого царства. Какое-то время крышка летела красивой дугой, потом врезалась в неосмотрительно выросшую на ее пути антоновку, отскочила, прокатилась колесом по грядкам укропа, въехала в толпу кур и, прошив ее насквозь, с сокрушительным грохотом, медленно переваливаясь с одного бока на другой, успокоилась akurat в ногах выскочившей на шум Ба.

Маневр, конечно же, закончился полным провалом – куры с шумом разлетелись кто куда, возмущенно клокотали и нервно закатывали глаза, петух орал с забора так, словно ему единым махом выдрали все перья и вставили обратно противоположным концом, а Ба отреагировала сами знаете как.

– Вы люди или кто? – кричала она, наматывая на кулак наши уши. – Я еще раз спрашиваю, вы люди или кто?

– А-а-а-а-а, – орали мы, – отпусти-и-и-и, мы больше не буде-е-е-ем!!!

– Еще раз прикоснетесь к петуху, вырву уши с потрохами, ясно?

– Яа-а-асно-о-о-о!

– Ба, а что такое «вырву с потрохами»? – потирая ладошками зудящие уши, спросила Манька.

– Вот вырву, тогда и будете знать. И ходите всю жизнь инвалидами! – дыхнула огнем Ба и пошла отмывать от налипшей земли кадкину крышку.

Ходить всю оставшуюся жизнь инвалидами нам не хотелось, поэтому мы решили больше не третировать петуха.

– Подождем, пока он сам станет линять, – вздохнула Манька.

И мы принялись ждать. А чтобы совсем не зачахнуть в томительном ожидании, стали дипломатично склонять петуха к процессу линьки, как то: заманивали корочкой хлеба и кидались в прыжке из укрытия, норовя сгруппироваться в полете так, чтобы: а) не испачкаться, б) выдернуть большой клоч перьев из хвоста и в) легонько собрать в щепоть его клюв, чтобы он не успел кукарекнуть. Потому что Ба всегда была начеку, и если даже не держала нас в поле зрения, то чутко схватывала малейшие изменения в тембре петуха. Уловив в его крике истеричные фальцетные нотки, она мигом вылетала из дому. Петух сразу кидался ей под ноги и начинал рьяно ябедничать и чуть ли не крылом показывать, кто только что пытался оставить его без роскошного хвоста. Только что имена наши не выкукарекивал! И Ба потом гоняла нас по заднему двору, словно гусей, а мы улепетывали изо всех сил. Потому что лучше скончаться в беге, чем дать вырвать себе уши с потрохами. А петух злорадно наблюдал за нами с высокого забора желтыми круглыми глазами, то одним, то другим, и возмущенно выкрикивал ругательства.

Упорство и труд всё перетрут, гласит народная пословица. Спустя неделю, сто двадцать прыжков и триста шестьдесят могучих поджопников на троих, мы победно выдрали нужное количество перьев и принялись за дело. Сначала вымыли их под проточной водой, потом долго полоскали. Перья пахли куриным пометом и чем-то жженым, мы брезгливо воротили нос и обзывали петуха вонючкой. Потом разложили перья на подоконнике, чтобы они высохли под солнышком. Пока они высыхали, мы пытали Ба расспросами, как нужно правильно мастерить веер.

– Да я сама толком не знаю, как это сделать! Вот если найти такую штуковину, в которую можно было бы воткнуть перья... – Ба пошла по кухне, открывая все ящички и задумчиво перебирая содержимое. Мы шли следом и совались в каждый ящичек, который она выдвигала.

гала. – Нужно такую штуковину, чтобы она была легкая и одновременно мягкая. Тогда можно было бы воткнуть в нее полукругом перья и обвязать у основания суровой нитью.

– Как это? – встрепнулись мы.

– Вот смотрите. – Ба вытащила веник и продемонстрировала нам замысловатую вязку у основания черенка, из которой расходились в разные стороны стебли. – Видите, как все придумано? Главное – зафиксировать перья, а дальше дело техники!

При слове «техника» я всполошилась:

– Может, дядю Мишу попросить?

– Чего попросить?

– Ну про технику. Ты же говоришь, что дело техники. А дядя Миша работает инженером. И этой техники у него навалом!

Ба прыснула и спрятала лицо в ладонях. Мы молча переглянулись, нам было не до смеха. Какой там смех, когда дела такие важные творятся – перья уже есть, а веера, совсем наоборот, нет! Отсмеявшись, Ба объяснила нам смысл выражения «дело техники». Мы хоть и не очень поняли, что она имеет в виду, но дружно закивали в ответ. Мы ж не глупые отвлекать Ба лишними расспросами, когда она пытается помочь смастерить веер.

– Может, веник разобрать? – заблестела глазами Каринка.

– Я тебе дам веник разобрать! – Ба открыла холодильник и какое-то время молча изучала содержимое полки, периодически повторяя себе под нос: – Таааактаааак-так.

Задумчиво уставилась на початую бутылку с вином. Вытащила корковую пробку, повертела ее в руках и восхищенно цокнула языком:

– Что бы вы без меня делали?

– Что бы делали? – дружно затрепетали мы.

– Вот я и спрашиваю – что?

– Умерли бы с горя? – снова подала голос я.

– Деточка, ты сегодня явно в ударе, – погладила меня по голове Ба.

– Ну да, – мигом отозвалась Каринка, – это от того, что я ее часто бью. Поэтому она в ударе. Постоянно.

– Чингисхан, ты снова за своё?

– Ну да!

– Ты у меня донудакаешься! – Ба хмыкнула, ушла в коридор, достала с нижней полки обувного шкафчика коробку с гвоздями и всякими другими строительно-ремонтными штуками.

– Маня, принеси из отцовской комнаты плоскогубцы. А ты, Чингисхан, за перьями бегай. И смотри у меня, чтобы без разрушений!

Пока Каринка с Манькой бегали на второй этаж, я застелила кухонный стол газетой, чтобы мы ненароком не испачкали скатерть, а Ба включила газовую плиту.

Потом, затаив дыхание, мы наблюдали, как она, подхватив плоскогубцами гвоздь, накаливает его на огне и проделывает дырки в пробке.

– Без взрослых такие фокусы вытворять нельзя, ясно? – не забывала профилактически хмуриться Ба.

– Яа-а-а-а-асно! – нестройно гудели мы в ответ.

– Не слышу!

– ЯСНО!

– То-то!

Сначала мы дали пробке остыть. Далее обмакивали кончики перьев в клей и вставляли их в отверстия. А потом Ба аккуратно перевязала перья у основания суровой ниткой. Веер получился знатный – небольшой, но вполне себе пестрый, кудряво растопыренный во все стороны.

Правда, перья держались на честном слове, поэтому мы не стали размахивать веером, а выставили его на Манином письменном столе и чинно-благородно ходили кругами. Любовались.

Любовались мы долго, минут тридцать. А потом нам это надоело, и мы порушили веер за считанные секунды, остервенело обмахиваясь направо и налево. Народное рукотворчество вообще не приспособлено к детскому обращению, чуть что – превращается в руины.

Курытник, конечно же, обиды не простил, поэтому каждый наш поход воспринимает как нашествие варваров. Жметя по жердочкам и прикидывается экспонатами какого-нибудь зоологического музея. Особенно прикидывается петух. Но мы относимся к такому поведению вполне с пониманием. Еще бы, мы бы тоже прикидывались экспонатами, если б на нас из-за угла крышками кидались да перья из хвоста в прыжке выдирали!

То есть совесть в целом у нас есть, вы не сомневайтесь. Но пользуемся мы ей нечасто. Наверное, бережем для более важных дел.

Ба с нами приходится совсем несладко. Пять девочек в одном доме – то еще испытание! Поэтому, если погода позволяет, мы возимся во дворе. Но март – очень капризный месяц, Ба вообще говорит, что у него семь пятниц на неделе. Поэтому чаще всего на улице непогода, и нам приходится проводить свой разрушительный досуг дома. Вот мы и носимся туда-сюда как угорелые. Ба периодически покрикивает на нас, но рассеянно покрикивает, потому что занята в основном Сонечкой. В Сонечке она души не чает. А всё почему? А всё потому, что подозревает в ней такие же черты характера, как у себя. Так и говорит: «Этот ребенок нам покажет еще, где раки зимуют». С нескрываемой гордостью говорит!

Наблюдать за ними очень забавно. Сонечка важно восседает на руках Ба, они ходят вместе по дому и ведут разные переговоры.

– Этого? – тычет Сонечка пальцем в желтенький кухонный абажур.

– Абажур, – мигом отзывается Ба. – Хочешь хлебушка?

– Неть.

– Скажи «абажур».

– Неть.

– Хмхм.

– Этого?

– Шторы. Хочешь попить?

– Неть.

– Скажи «шторы». «Што-о-оры».

– Забазюх!

– Чего-о-о-о?

– Забазюх! – Сонечка тычет пальцем в абажур.

– Ага. Хорошо. Только не забазюх, а абажур!

– Неть!

– Ну нет так нет, упрямое ты существо. Хочешь на горшок?

– Неть!

– Тогда еще раз скажи «абажур».

– Фто-о-о-оы!

– Чего-о-о-о-о?

– Фто-ы! – Сонечка показывает пальчиком на шторы и с укоризной смотрит на Ба. – Фтоы!

– Деточка, мы с тобой разговариваем как даун с имбецилом.

– Дя!

– Не, ну тебе надо было именно сейчас со мной согласиться!

Часам к семи возвращаются с работы дядя Миша с папой, и, если на следующий день выходной, мы допоздна играем в лото и подкидного дурака, или же они садятся за шахматы, а

мы, обступив их со всех сторон, бурно и многословно переживаем за проигрывающего. Если же завтра надо в школу, то приходится возвращаться домой, и, пока мы с Каринкой делаем уроки, папа укладывает в нашей комнате Сонечку. Сонечка басовито ругается на папу, потому что укладывать он ее толком не умеет, а колыбельную поет так, что хоть стой, хоть падай.

– Пой! – требует она.

– Си-ра-вор ло-рик, – послушно затягивает папа свою любимую песню Комитаса.

– Неть! Ису ядиясь пой!

– Что спеть?

– Ису ядиясь!

– Что-о-о-о?

– Ёюцка!

– Дети, – заглядывает в кабинет папа, – а что такое ёюцка?

– Это ёлочка! Она просит спеть «В лесу родилась ёлочка».

– А, ясно.

Какое-то время из детской доносятся его нестройные рулады про елочку.

– Хацю сёунки вацьок! – неожиданно вклинивается беспардонным басом в папино душераздирающее исполнение Сонечка.

– Чего?

– Сёунки вацьок! Ниязися!

– А что такое «сёунки вацьок»? – снова заглядывает к нам папа.

– Серенький волчок. Придет серенький волчок и укусит за бочок, – подсказываем мы.

Папа стоит какое-то время в проеме двери, глядит несчастными глазами то на меня, то на Каринку. Вид у него растерянный.

– Уже заканчиваю, – делаю успокаивающие пассы руками я. – Скоро приду тебе помогать.

– Вот спасибо, дочка! – светлеет лицом папа.

Когда, разделавшись с уроками, я осторожно заглядываю в детскую, он спит, подложив под щеку локоть. Сонечка лежит рядышком и нежно гладит его по щеке.

– Пыдётся сёунки вацьок и укусит зя бацьёк! – шепчет она, убаюкивая нашего папочку.

В одиннадцать часов, если не брать в расчет громкий храп Каринки, в доме воцаряется тишина. Сонечка тихо посапывает, уткнувшись носиком мне в плечо. По городу гуляет ветер – холодный, колющий. Гремит ставнями, метет прошлогодний мусор, вертится волчком по дворах.

Я лежу в постели и думаю о том, как это невыносимо грустно, когда болеет мама. Потому что никому, никому ее не заменить. Потому что она у нас самая любимая и единственная, и самая красивая, конечно же.

– Вырасту – обязательно придумаю лекарство от мигрени. Выпил таблетку – и голова мигом прошла, – твердо решаю я. – Главное, сильно поднапрячься и придумать хорошее лекарство. Качественное, и чтобы с адыкв... адакв... адекватным (во, наконец-то выговорила!) названием. Чтобы именовалось оно как-нибудь утешительно, типа «Таблетка от мигрени». А еще лучше – «Счастливая таблетка от мигрени». Или вообще – «Мама, не болей»! Вырасту – и придумаю, – твердо решаю я и, наконец, проваливаюсь в сон.

Глава 4

Манюня, ЧП районного масштаба и другие лихорадочные приготовления к юбилею Ба

Семью Ба постигла нелегкая участь многих граждан канувшей в Лету царской России: одни родственники бежали после революции за границу, другие загремели в сталинские лагеря. Так что остались у Ба только Фая, которая Жмайлик, да двоюродный брат Мотя, в миру Матвей Наумович. Мотя жил в азербайджанском городе Кировабад, вполне себе неплохо жил – к пятидесяти годам дослужился до заведующего одного из цехов городского молочного завода. С женой дяди Моти, Зиной, Ба находилась в состоянии необъявленной войны. В свое время, когда Ба затеяла строительство дома, она обратилась за помощью к брату. Мотя сначала с готовностью согласился ссудить сестре двести рублей, но потом почему-то отказался. В телефонном разговоре он что-то бубнил про метлахскую плитку, которой срочно надо обклеить потолок ванной, про раковину «тюльпан», про обои «в рубчик» и всякие другие ремонтные дела.

– Зина не дает денег выслать? – перебила его сбивчивые объяснения Ба.

– Не без этого, – вздохнул Мотя и, не дожидаясь ответа, положил трубку. Он был сыт по горло скандалом, учиненным женой, и второй скандал от двоюродной сестры просто бы не потянул. Не тот возраст, не те нервы. Опять же, камни в желчном пузыре, тахикардия и прочие неурядицы.

Обижаться на Мотю, родную кровиночку, Ба не стала – она за своих родственников всегда стояла горой. Деньги в итоге заняла у соседей и дом отстроила какой планировала, с тремя спальнями на втором этаже, с большой уютной кухней и гостиной – на первом. Но обиду на коварную Зину затаила большую.

Иногда Мотя приезжал к сестре в гости. Это был крупный и рыхлый мужчина с растерянным взглядом подслеповатых глаз, с кустистыми бровями и бакенбардами, с голым, тщательно замаскированным длинной прядью волос темечком. Прическу свою Мотя остервенело охранял. На случай внезапного порыва ветра держал наготове растопыренную пятерню – тут же принимался обратно укладывать волосы. Расслаблялся он лишь тогда, когда напивался нашей самогонки. Причем предпочитал самый экстремальный ее вариант – «калоши арах», то есть «водку из калош». Так в нашем районе ласково называли самогонку из сборной солянки – некондиционных для варений, джемов и компотов фруктов – яблок, груш, слив и прочих отходов, которые оставались после сезона бешеной закрутки припасов. Накушавшись калошевки, Мотя терял бдительность, а заодно контроль над прической, и вечерний ветер терзал маскировочную прядь во всевозможных направлениях, оголяя бликующую на закатном солнце сокрушительную лысину.

– Ну зачем ты так себя уродуешь? – ругала Ба своего брата. – Постригись коротко, и дело с концом, на кой ляд тебе эти патлы? Аж от одного уха к другому зачесываешь!

– Не буду! – упрямылся Мотя, тщательно шпаклюя лысину остатками волос.

– Я понимаю, если бы у тебя была некрасивая форма головы. Но это ведь не так! С короткой стрижкой ты будешь смотреться выигрышнее, чем с этими тремя волосинами поперек физиономии!

– А мне так нравится! – упрямо гудел Мотя.

– Вот шлимазл! – раздраженно пожимала плечами Ба.

Зина в гости к золовке малодушно не ездила, мотивируя это тем, что не удастся отпроситься с работы. Но обязательно передавала какой-нибудь презент. Ба, чтобы не обижать брата,

гостинец благосклонно принимала, а потом, дождавшись его отъезда, вытаскивала на всеобщее обозрение и переливчато комментировала.

Поводы для комментариев, если честно, находились всегда – Зина была мастером бессмысленных подарков: то уродливую, в жуткие алые розочки пластиковую скатерть передаст, то надувного осетра в натуральную величину, с дурацкой надписью на боку: «Бакинский зоопарк ждет своих посетителей», то вообще букет искусственных цветов бешеного колера.

– Надя, это она мне на могилку, что ли, передала? – вертела в руках кислотно-малиновые розы Ба.

– Вы бы лучше выкинули этот пылесборник, – морщилась мама.

– Нет, я тебя спрашиваю! Я понимаю, что Моте в свое время приспичило жениться на этой идиотке с чайной ложечкой мозгов в копчике. Я даже понимаю, что мужчине вообще не важно, где у женщины находится мозг и находится ли он где-то вообще. Но добивается-то она чего?

– Тетя Роза, вы только не расстраивайтесь.

– Да какое там «расстраивайтесь»! Ты меня, Надя, расстроенной не видела. А вот Зина меня расстроенной увидит. И это будет последнее, что она увидит в своей жизни! Я тебе говорю!

Правда, дальше угроз Ба никогда не шла – берегла нервную систему брата. Зато периодически звонила в Кировабад и сквозь шум и треск междугородней связи вела с Зиной разговоры «за жизнь». Мстила точно, умеючи. Например – новыми открытиями дяди Миши. Или Маниными успехами в школе. К сожалению, дети у Моти с Зиной получились так себе – сын Жорик вырос в идейного балбеса, а дочь Инга вышла замуж за горского еврея, уехала в Дербент и благополучно забыла о родителях. Поэтому Зине ничего не оставалось, как, давась собственным кураре, поддакивать золовке.

Фаю, двоюродную сестру Ба, все называли «которая Жмайлик». Не потому, что Фай в семействе Шац было штук сто и их как-то надо было друг от друга отличать. Совсем наоборот, Фая была одна, и звали ее на самом деле Факира. По случаю своего необычного имени она неприкрыто горевала, но менять его на другое принципиально не собиралась.

– Единственная память о моем сумасбродном отце! – объясняла она.

Того, что отец Фаи, Самуил Шац, был человеком, мягко говоря, сумасбродным, не отрицала даже Ба. Всю свою юность Самуил мечтал стать жонглером и выступать по всему миру со смертельным номером «летающие факелы». Преданно тренировался на заднем дворе доходного дома, принадлежащего его семье. Набив руку на непростом деле жонглирования яблоками и мячиками, перешел на тренировки «летающими факелами», сиречь горящими сучьями. Не раз становился причиной точечных мелких пожаров. Ходил с обожженными, забинтованными руками. В те счастливые дни, когда удавалось не обжечь руки, бывал нещадно бит отцом.

– Ты когда-нибудь возьмешься за ум или как? – орал отец, охаживая розгами непутевого сына.

Самуил побои стоически терпел, дневных тренировок не прекращал, а по ночам штудировал труды Елены Блаватской. Мечтал о поездке в далекую и таинственную Индию, медитировал по углам, доводя до нервного тика мать и сестер. В свободное от репетиций время пытался читать мысли и трактовать сны. Так как жильцы при виде хозяйского сына бросались враспынную, теософические опыты ставил на детворе.

Расстался Самуил со своими мечтами лишь после того, как спалил западный флигель дома. Как отреагировал на пожар отец, история умалчивает. Видимо, достаточно гуманно, раз Самуил выжил, а через пять лет вообще женился на старшей дочери ребе Шломо Саре. Но свою дочь, в память о навсегда нереализованных юношеских мечтах, назвал Факирой. Чтобы

как-то смягчить последствия эксцентричной выходки отца, девочку все называли Фаей, а после ее замужества, с подачи Ба – «которой Жмайлик».

Фая была асом писем весьма обрывчатого содержания. Жила она в Новороссийске и очень скучала по своим родственникам. По межгороду не общаешься – связь отвратительная, соединения иногда приходится по несколько часов ждать, да и операторы телефонной станции особой вежливостью и расторопностью не отличаются. Поэтому Фая строчила брату и сестре длинные письма.

Ба эти послания чуть ли не сквозь лупу изучала. Мало того что почерк был не ахти, так еще стиль письма отличался своеобразием – Фая игнорировала все знаки препинания, кроме восклицательного, а последовательное изложение мысли считала чем-то совершенно излишним.

«Здравствуй дорогая моя Розочка и вся твоя прекрасная семья Миша и Мария и ваши замечательные друзья и соседи Роза передай большой привет Наде и скажи что кофта села как влитая моя Лина носит ее не снимая!!! Картошка гнилая по двадцать копеек за килограмм колбасы вареной грамм триста если выстоять очередь и килька иногда в банках тоже попадается а рыбы вообще нет и вопрос как при таком раскладе прокормить семью чтобы не авитаминоз! Ромочке в поликлинике ставят диатез и рахит и какает он плохо раз в три дня а то и четыре говорили внук это счастье но вот проблем со здоровьем вроде немного но переживаю а уж Лина вообще!!! Достать аналгин! А он парень работающий ты не думай хоть и не наш а вообще татарин но и среди татар оказывается попадают тоже хорошие люди главное не пьет и работает денег приносит Ромочка его папой называет а он радуется на руках его носит! Роза колени обязательно обертывай молодой весенней крапивой говорят помогает от артрита и не сильно кусается обложила колени крапивой обмотала тряпочкой и сиди себе перебирай гречку или рис как рукой снимает!»

Вот приблизительно такого содержания письма приходили из Новороссийска с регулярностью раз в неделю, а то и чаще.

– Фая! – кричала потом в трубку Ба. – Может, тебе какие еще лекарства кроме аналгина выслать?

– Какого аналгина? – надрывалась на том конце провода Фая.

– Ну ты тут мне в письме пишешь «достать аналгин», вот я и спрашиваю!

– Это я себе заметку сделала, чтобы не забыть его купить.

– Фая, ты меня в гроб своими письмами вгонишь! Что это за татарин, который тоже человек?

– Это Линка сошлась с парнем, зовут Равиль, хороший, работающий, к Ромочке как к родному относится! Ты обмотала колени крапивой? Я тут разузнавала, можно еще нашатырным спиртом натирать. Эффект молодильных яблочек гарантирован!

– Да уймись ты со своими молодильными яблочками, Фая! У меня не колени, у меня варикоз!

– А у кого тогда колени?

– А откуда мне знать?!

В общем, родственники у Ба были самые что ни на есть колоритные, под стать ей. И если с дядей Мотей мы уже виделись, то тетю Фаю, которая Жмайлик, знали исключительно по фотографиям. Она была очень похожа на Ба – такая же высокая, крупная, с вьющимися волосами и светло-кариими глазами. Правда, про масть глаз нам Ба рассказала, потому что по черно-белым снимкам, которые высылала Фая, определить цвет было практически невозможно.

1981 год выдался богатым на юбилеи – в январе мне стукнуло десять, в мае маме должно было исполниться тридцать пять, а аккурат между нами, седьмого апреля, у Ба случилась круглая дата – аж целых шестьдесят лет. Юбилею предшествовало очередное дивное послание от Фаи, которая Жмайлик.

«Роза, – как бы между делом строчила Фая, – купила гипюр цвета слоновой кости два метра и шелка тоже два метра больше ничего нет думаю что бы такое можно было сшить чтобы нам по возрасту на выход или в гости и не выглядеть клоуном! Или может духи какие взять хотя можно у перекупщиков поискать а может посуды тебе сервиз не нужен на будущее Мане в приданое или просто выставить в сервант для красоты! Но! Обещали люстры так и не завезли зачем обещать и коробку конфет брать если обманут я не пойму! Пучок укропа стоит как килограмм картошки а витаминный салат Ромочке приготовить надо рахит почти прошел слава богу ноги стали какие надо не кривые а то раньше мяч бы проскочил и ни за что не зацепился бы! Ты главное просто намекни что тебе надо не хочу ехать с пустыми руками!!!»

– Миша! – прогрохотала Ба вверх – письмо она читала на кухне, а дядя Миша в своей комнате колдовал над очередными проводами.

– Что случилось? – свесился вниз дядя Миша.

– Фая приезжает!!!

– Ну и славно, чего ты кричишь? Я подумал, что-то случилось.

– Мойше! Фая приезжает, а я не готова! Или это не повод покричать?

– Когда она приезжает, завтра?

– Нет, к моему дню рождения.

– Мам, ну до твоего дня рождения еще три недели!

– Да разве три недели – это срок? – заклокотала Ба. – Надо успеть генеральную уборку сделать, да продуктов закупить, да стол накрыть!

– Но мы в ресторан собирались!

– Не пойдем мы в ресторан! Ко мне сестра не затем приезжает, чтобы я ее ресторанной едой кормила. Отмечать будем дома.

Через несколько дней пришла телеграмма от Моти: «Жди юбилею тчк Привезу осетрины тчк Фиников коробку вскл знк».

– Главное, чтобы не надувного осетра привез, – засмеялся дядя Миша.

Ба на шутку сына не обратила внимания, зато очень порадовалась рыбе – она который день ходила со списком и составляла меню, и осетрина к столу пришлась бы очень даже кстати.

– Надя, – периодически звонила она маме, – а что ты скажешь насчет песочного печенья?

– Давайте посчитаем. – Мама прижимала трубку к уху плечом и принималась загибать пальцы. – Бисквитный торт с безе испечем – это раз. Ореховый рулет сделаем – это два. Чараз¹ будет? Будет. Это уже три. Конфеты будут. Мотя обещал финики привезти. То есть сладкого достаточно, я думаю, что песочное печенье – это перебор.

– Но они не на один день приезжают, верно? Верно! – напирала Ба. – Песочное печенье хранится долго, испек и с глаз убрал, а потом к кофе подал. И не надо метаться, все уже готово.

– Ну давайте еще и печенье испечем, – с легкостью соглашалась мама.

– Теперь насчет уток, – разворачивала список вверх ногами Ба.

– А что, еще и утки будут?

– Обязательно! Одной рыбой и мясом сыт не будешь!

К первому апреля приготовления к юбилею затянули в свой сокрушительный водоворот не только нашу семью, но и соседку тетю Валю с дочкой Мариам и внуком Петросом, а также водителей рейсовых автобусов «Ереван – Берд».

– Роза, – звонил внук рябого Смбата Гарик, – я вам посылку из города привез. Пусть Миша вечером заберет.

– Кто передал?

– Сказали – Роберт.

– Какой Роберт? А что передали?

¹ Чараз – смесь из разных сортов орехов с изюмом.

– Не знаю, что передали, но коробка тяжеленная. Пахнет бастурмой.

– Бастурма – это хорошо! – И, напевая себе под нос, Ба набирала наш номер. – Надя, здравствуй, дорогая, а кто такой Роберт из Еревана? У нас таких знакомых нет.

– Это друг Юры, прошлым летом он прооперировал жену директора коньячного завода, так что теперь у него там связи. Вот и обещал коньяк выслать, а заодно и закуски какой.

– Пришла посылка, внук рябого Смбата привез. Говорит – пахнет бастурмой!

– Бастурма – это хорошо, – радовалась мама.

Радоваться действительно было чему – апрель достаточно «постный» месяц, закатанные осенней порой припасы практически закончились, в магазинах традиционно хоть шаром покати, а на базарных прилавках лишь свежая зелень, прошлогодняя картошка с морковкой, орехи с сухофруктами да соленья, которые привозят молокане. Приходилось поднимать на уши всех знакомых, чтобы сообща, теребя связи на продуктовых базах и прочих складах, переплачивая и разоряясь на бесконечных магарычах, наскрести какое-то количество приличной еды для праздничного стола.

Поэтому, когда дядя Миша привез вечером посылку, радости Ба не было предела. Из коробки, со счастливыми ахами и охами, она извлекла две бутылки знаменитого коньяка «Ахтамар», по три килограмма бастурмы и суджуха и два килограмма настоящего «хорац панира».

«Хорац панир» – это «закопанный сыр». Правильный «хорац панир» получается из зрелой овечьей брынзы. Ее перетирают со строго отобранном букетом сушеных горных трав, плотно забивают массой глиняные горшочки и закапывают в землю. Сыр созревает несколько месяцев и на выходе получается густо пахнущим, невероятно ядреным и очень вкусным. Некоторые хозяйки, дабы сбить умопомрачительный аромат сыра, перемешивали его пополам с домашним творогом или сливочным маслом, а также с обычной малосолевой брынзой. Но Ба с мамой на такие оскорбительные для благородного «хорац панира» эксперименты не шли и подавали его только в натуральном виде, обязательно в глиняных плошках, обложив со всех сторон краснобокой хрусткой редиской.

На излете последней предъюбилейной недели все наконец-то вздохнули с облегчением – набор продуктов для праздничного стола был счастливо укомплектован, дом, выстоявший цунами тотальной генеральной уборки Ба, сиял и переливался хрустальным елочным шаром, наши дневники пестрели только хорошими оценками, куры в курятнике неслись исключительно отборными яйцами, петух кукарекал в строго отведенные под его кукареканье минуты и больше никогда, свежеокрашенная деревянная калитка забора отливала лазурной синевой, а Тетивалин внук сказал свое первое слово – зёзя.

– Вуй, – размахивая во все стороны толстощеким Петросом, прибежала тетя Валя. – Роза! Мне кажется, он твое имя выговорил.

– Как это? – встрепенулась Ба.

– Петросик, сладенький, – засюсюкала тетя Валя, – а ну-ка скажи еще раз «Роза»!

– Зёзя! – дрогнул щеками Петрос.

– Ыхыхы-ы-ы-ы! – зашлась в смехе довольная Ба. – Ты ж мой умничка!

К сожалению, это был не единственный сюрприз, уготованный баловницей судьбой. Второй нагрянул, как оно водится, когда его совсем не ждали, – в ночь с четвертого на пятое апреля случилась авария на газопроводе, и весь наш район остался без отопления. То есть планируемая на пятое число выпечка бисквитных коржей, безе и прочих сладостей стала практически

невозможна – плиты у всех были газовые, а об электрических переносных духовках если кто и слышал, то в глаза никогда не видел.

Дурная весть застала нас в самую рань, когда петухи только-только заводили свою самодовольную утреннюю переключку.

– Надя! – подняла телефонным звонком дом на уши Ба. – Все пропало, Надя!

– Что пропало? – Мама спросонья плохо соображала, поэтому тщетно пыталась нашарить пояс на наспех надетом шиворот-навыворот халате.

– У вас на кухне газ есть? – протрубила раненым зубом Ба.

– Газ? Сейчас проверю. – Мама сбегала на кухню, открутила вентиль. Не дождавшись привычного шипения, зажгла спичку и повела ею вокруг конфорки. Конфорка предательски молчала. Прибежала обратно к телефону, на ходу переодевая халат.

– Нет! – трагически выдохнула в трубку.

– И у нас нет. И у соседей нет, я уже обегала всех. И у Раи с Речного квартала тоже нет!

Речной квартал был самой отдаленной от нас частью городка, и добежать до Раиного дома резвым галопом можно было самое меньшее за полчаса. Мама на миг представила утренний спринт Ба, нашарила рукой стул, придвинула к себе и села.

– Тетя Роза, вы туда бегом бежали?

– Куда?

– К Рае.

– Зачем бегом бежала? Я просто позвонила ей.

– А! – обрадовалась мама. – Я-то подумала...

– Надя, тут не думать надо, а действовать!

– Тетя Роза, давайте мы просто подождем немного. Наверное, газ отключили ненадолго из каких-нибудь профилактических соображений.

– В два часа ночи уже не было! – возмутилась Ба.

– Тем более. Значит, скоро его снова дадут.

– Надя, сегодня воскресенье!

– Ну и что? Не оставят же целый город без отопления?

– Можно подумать, ты не в курсе, в какой стране живешь! – пробухтела Ба.

– Главное – не паниковать, – как можно спокойнее сказала мама, попрощалась с Ба, положила трубку и тут же начала паниковать. Потому что воскресенье – единственный выходной и, соответственно, день обязательной уборки, стирки и бешеной готовки. Как развернуть такой фронт работ без отопления, мама не очень себе представляла.

Спустя несколько минут Ба отзвонилась еще раз и зловещим полусшепотом сообщила, что газа нет во всем районе.

– Я только что говорила с диспетчером Зиной из села Айгепар.

– Зачем? – громко сглотнула мама.

– Чтобы готовить на ее плите. Она бы мне не отказала. Но у них тоже нет газа!

Потом позвонила Манька и, конспиративно понизив голос, сообщила, что Ба затопила дровяную печку и раздумывает, можно ли на ней испечь песочное печенье.

Когда и к десяти часам утра газа не случилось, мама сама набрала Ба, чтобы провести летучку на тему «как же будем выкручиваться».

– А Ба ушла, – звонко отрапортовала в трубку Манька.

– Куда? – напрыглась мама.

– Ушла скандалить в дом к дядечке, не помню, как его зовут, который отвечает за наш район.

– К какому дядечке?

– Ну, к этому, как его... Вспомнила! К первому секретарю райкома.

Мама не успела толком испугаться за судьбу Арменака Николаевича, как в дверь позвонили. Мы побежали открывать. На пороге стояла взмыленная Ба.

– Газа не будет до среды, – выпалила она.

– Как это до среды? Почему?

– Серьезная авария на трубопроводе. Я только что от первого секретаря райкома.

Мама поперхнулась.

– Тетя Роза, вы там случайно не скандалили?

– Что значит «случайно»? Хотела поскандальить, да не смогла! – Ба вытащила из обувного шкафчика тапки, переобулась. – Николаича дома не было, он с раннего утра уехал на место аварии. А жена его – вареный веник, слова поперек сказать не может. Разве с такой поскандалишь? В общем, плюнула я им на порог и прибежала к вам. Надо придумать выход!

Первым делом наши дамы решили бросить вызов судьбе и сварить кофе. Потому что проводить консилиум всухомятку не получалось, мозги отказывались работать. И пока Ба варила кофе над тремя зажженными свечами, отгоняя нас грозными окриками от незабываемого зрелища, а смотреть, поверьте, было на что, ибо когда она слишком низко опускала турку, то свечи гасли, а если поднимала чуть выше, чем нужно, огонь не разогревал воду, так вот, пока Ба воевала со свечами, кофе и нами, мама, в надежде, что вдруг у кого-нибудь найдутся знакомые обладатели электрических плит, обзванивала своих подруг.

Настойчивый опрос не принес желаемых результатов – ближайшая электрическая плита обнаружилась в пятидесяти километрах от Берда, в городе Иджеван.

– Ну не ездить же туда! – кручинились мама с Ба, запивая горе недозаваренным кофе.

К счастью, вскорости с дежурства вернулся папа. Он сначала выслушал всполошенный доклад о ЧП на газопроводе, а потом осторожно поинтересовался:

– А спросить у Миши, что делать, вы не пробовали?

– Миша не ночевал дома! – вздыбилась Ба. – Мало того что не ночевал, так до сих пор еще и не вернулся! Юрик, ты не знаешь, с кем он сейчас шашни крутит?

– Роза, я тебе ничего не скажу!

– Не, ну мало ли, может, у тебя совесть проснулась!

– Она у меня практически не дремлет. Поэтому Мишу я тебе и не сдаю.

– Оба-два шлимазла!

– Может, и шлимазла, не спорю. Зато эти шлимазлы, в отличие от вас, умеют соображать! – победно хмыкнул папа. – А ведь решение проблемы лежит на поверхности – нужно просто раздобыть газовый баллон.

– Юрик, сынок! – подскочила Ба. – Золото ты мое ненаглядное!

– Спокойно, Роза! Без сантиментов! Нам сначала надо баллон достать. Что уже проблематично, учитывая, что город на три дня остался без газа.

К счастью, искать пришлось совсем недолго – у папиной медсестры тети Киры на даче стояла газовая плита со съемным баллоном.

– Часов на шесть хватит точно! – напутствовала тетя Кира, пока папа с дядей Мишей загружали баллон в Васю – пришлось папе отрывать своего друга от амурных дел, ибо в нашу «копейку» баллон влезать решительно отказывался. – Поэтому пусть они сначала испекут коржи и ореховый рулет, а под самый конец оставят безе. Газа в баллоне на исходе останется совсем мало, и огонек будет очень маленький. А для безе это самое оно!

Вторую половину воскресенья мы колобродили на нашей квартире. Пока Ба с мамой пребывали в аффективном состоянии безудержной готовки – взбивали бисквитное тесто, месили тесто для рулета, жарили орехи, делали молочную основу для заварного крема, пекли песочное печенье и безе, дядя Миша с папой отвлекали нас викторинами и прочими играми в лото и

пашки. Особенно усердствовал дядя Миша – ведь увлеченная готовкой Ба даже не устроила ему традиционной выволочки за то, что он не ночевал дома. Оказывается, и на фирменный скандал от Розы Иосифовны бывает управа. Единственное, что для этого нужно, – выдающееся ЧП районного масштаба. Всего-то!

Газовый баллон держался молодцом и издох, когда удостоверился, что выпечка полностью готова. Мама с Ба успели даже пожарить омлет по-персидски с луком и мятой и заварить чаю. Так что ужин у нас получился знатный – крепкий чай, бутерброды с поджаристой, ароматной яичницей и песочное печенье с фундуком.

– Завтра поведу девочек в баню, – громко отхлебывая из большой чашки, возвестила Ба.

– В какую баню? – наострили мы уши.

– В городскую баню.

– Зачем?

– Как зачем? Мыться. Газ только через три дня дадут, не ходить же вам немывтыми?

– Ничего, мы потерпим!

– Я вам дам «потерпим», ясно? Послезавтра мой день рождения, и я желаю видеть вас исключительно чистыми.

– А почему нельзя дома помыться? Вскипятили бы воду на дровяной печке.

– Времени на всех воду кипятить не хватит, нам с Надей завтра на печке горячее готовить. Так что дома помоются только Гаянэ с Сонечкой. Все остальные сходят в баню.

Мы с Каринкой и Манькой недовольно переглянулись. Идти в городскую баню совсем не хотелось.

– Разве это нормально – мыться на виду у голых тетенок? – промычала я.

– Очень даже нормально! И нечего кривить рот! Можно подумать, вы потом не в тетенок вырастаете!

– Не хотим мы быть тетеньками!

– Не хотите тетеньками, значит, будете дяденьками!

– Ба-а-а-а-а-а-а-а!!!

– Нечего ныть. Вернетесь со школы, и сходим в баню, ясно?

– ...

– Ясно?!

– Ды.

– Вот и славно!

Глава 5

Манюня, или Банный день и прочие треволнения

В понедельник почти весь город вышел на работу с немывыми шеями. Помыться смогли только те редкие бердцы, в домах которых сохранились старые, еще военных времен, дровяные печки для протапливания бань. Экстерьеру такие печки были дивного – длинный трехметровый чугунный цилиндр с торчащей с верхнего краю монументальной лейкой. В нижней части находилась «растопка», там, весело гудя, горели дрова. Растопка запиралась на неожиданно кокетливый для такой сокрушительной конструкции крючок. Чтобы подкинуть в огонь дров, приходилось поддевать крючок и распахивать жаркую дверцу деревяшкой. В верхнюю часть печки подавалась вода. Она нагревалась быстро, но лилась неравномерно – то кипятком обдаст, то ледяной струей окатит. Обязательным условием было наличие распахнутого настежь окна – чтобы не угореть от обратно задуваемого ветром дыма печи. Особенно бодрили такие банные процедуры зимой – один бок горит жаром, другой продувается на сквозняке, от дыма слезятся глаза и першит в горле, а лейка плюется контрастными струями. Не мытье, а мучение.

Поэтому, когда газопровод, наконец, дотянулся и до нашего высокогорного района, люди первым делом выволокли из домов чугунных монстров и заменили их компактными газовыми колонками. Чугунные монстры какое-то время пылились на задних дворах, а потом были счастливо разобраны на запчасти и пущены на другие насущные хозяйственные нужды. Сосед Ба дядя Гор, например, распилил свою печку пополам – вдоль, залатал дверцу растопки и использовал получившиеся лохани для сбора дождевой воды. Как и чем он пилил эту зубодробительную конструкцию, мы не знали, а спросить стеснялись – дядя Гор был человеком немногословным и на любой прямо поставленный вопрос отвечал уклончивым «хм». А узнать, чем он пилил печку, нам ой как хотелось, ведь это очень полезная информация для любознательных и всегда готовых к подвигу советских детей!

Манька часто совершала дипломатические подходы к молчаливому соседу – пыталась обаять его всеми возможными способами. То вишневой косточкой в окно стрельнет, то подкоп под забор организует, то изолянтной ручку входной двери обмотает, то какую еще кокетливую проделку выкинет. Жена дяди Гора, тетя Мелина, в Маньке души не чаяла, поэтому все ее выходки комментировала смехом. А дядя Гор молчал-молчал, а потом выдавал свое фирменное «хм». Ба поползновения внучки не одобряла, боролась с ними накатанными способами – и в угол Маньку поставит, и без сладкого оставит, и высечь грозит. Манюня бабушкиных угроз исправно пугалась, но попыток обаять молчаливого соседа не бросала.

В свободное от работы и Манькиных ухаживаний время дядя Гор ваял. Он был очень рукастым и не лишенным чувства прекрасного человеком, поэтому постоянно совершенствовал свой быт. При этом работал с какой-то космической скоростью. Проснулся с утра – а во дворе дяди Гора красуется новый гаджет – небольшая деревянная беседка. К вечеру она обзаводится гладко отшлифованным столом, а к завтрашнему утру – стульями. Еще через день беседка покрыта ровным слоем специального лака, а от дома к ней тянется узкая, аккуратная тропа из речной гальки.

Проигнорировать такую беседку может только какой-нибудь каменный истукан. Похвастать качествами каменного истукана Манька не могла – Манька была сверхлюбопытным ребенком с воинственно развевающимся чубчиком на голове и с шилом в одном месте. Поэтому при виде беседки она не придумала ничего лучше, чем тотчас явиться с визитом вежливости, вся встревоженная, в пижаме и сандалиях на босу ногу. Да и как можно не нарисоваться с визитом в самую рань, если на соседском дворе творятся такие чудесные дела – дядя

Гор, по брови в опилках и прочей деревянной лузге, шлифует бок беседки, а тетя Мелина ходит кругами и восторженно ахает!

На звонкое приветствие Мани дядя Гор коротким жестом показал, чтобы она не подходила близко, а то кругом мусорно, а тетя Мелина побежала в дом – за пирожками с яблочным повидлом. И пока взволнованная отсутствием шкодливой внучки Ба бегала по дому, раненой белугой взывая к ее совести и заглядывая во все укромные места, Манька, по-царски расположившись на заботливо подстеленном пледе, элегантно пожирала Тетимелинины фирменные сладкие пирожки, запивая их второй чашкой густого какао. И неустанно сыпала искрометными вопросами:

– Дядя Гор, а вы потом в этом домике жить будете, да? Это будет ваша конура?

– ...

– А чего это вы шпак... шпаклюете? Это ведь шпаклевать называется, да? Стены шпаклюете, чтобы мухи спотыкались?

– ???

– Ну когда стена гладенькая, небось мухи ходить по ней не могут, спотыкаются и падают вниз. Хорошо, что ночью они не летают. А то будут падать гурьбой, а вы на полу спите. С открытым ртом. Проснулись – а мух во рту видимо-невидимо. Буэ.

– Хм.

– Вот и я думаю, что на вкус они не очень, – вещала Манька, уплетая за обе щеки пирожки и качая туда-суда пухленькой ножкой в красной истоптанной сандалиии.

На этом месте ее непринужденную светскую беседу оборвали самым бесцеремонным образом – выбежавшая из дома Ба зацепила краем глаза соседскую беседку, подошла к забору и среди прочих Дядигоровых нововведений обнаружила свою внучку.

– Мария! – протрубила иерихонской трубой она. – У тебя совесть есть?

Дядя Гор, пронзенный в самое исподнее воплем соседки, выронил рубанок, а Манька спешно спряталась за спину тети Мелины.

– Ну чего ты, Роза, – вызвала огонь на себя тетя Мелина, – девочка просто прибежала к нам беседкой любоваться. Это я во всем виновата, задержала ее, вот, завтраком кормлю.

– А предупредить она меня не могла? Я чуть инфаркт не заработала, пока ее искала, аж весь дом облазила!

– В большую дождевую бочку заглядывала? – высунулась из-за спины тети Мелины Манька.

– Я тебе дам большую дождевую бочку!

– Спросить, что ли, нельзя?

– Нельзя! – И, решив, что воспитательная часть на этом закончена, Ба переключилась на беседку и принялась нахваливать ее на все лады.

Единственным человеком, с которым дядя Гор разговаривал не жестами, а словами, была Роза Иосифовна. В ее присутствии он становился таким разговорчивым, что даже расщедрился на сложноподчиненные предложения. Правда, чудеса такие случались крайне редко, где-то раз в квартал, но ведь случались! Поэтому, чтобы выудить у мужа какую-нибудь информацию, тетя Мелина прибегала к Ба:

– Роза, я тебя очень прошу, спроси у него!

– Чего спросить-то надо? – вытирая руки о подол большого розового фартука, готовилась к очередному лингвистическому штурму Ба.

– Спроси, куда это он собрался. А то вытащил чемодан, показал жестами, что надо в дорогу вещи собрать, а куда едет – не говорит.

– Ты только под ногами у меня не путайся!

– Не буду, не буду! Я у тебя на кухне посижу, даже в окно выглядывать не стану.

Через пятнадцать минут Ба возвращалась с победой:

– Уезжает на три дня в Дилижан – проведать сестру.

– Роза-джан, спасибо тебе большое, что бы я без тебя делала! – радовалась тетя Мелина. – Никто, кроме тебя, моего чурбана разговорить не может! Как оно у тебя получается?

– А черт его знает! Я спрашиваю, а он отвечает.

– Чудеса! – всплескивала руками тетя Мелина. – Он даже на свадьбе нашей Арпинэ тост выдать не смог. Все ждут, что отец сейчас скажет какие-то напутственные слова молодоже-нам, а он постоял-постоял, крикнул, опрокинул стопочку да Арпинэ в обе щеки расцеловал.

– Золото он у тебя, Мелина. Мало говорит, зато много делает.

– Это да. Но иногда и поговорить хочется, не с роботом же я живу!

К моменту нашего с Маней знакомства двор дяди Гора представлял собой объект страстных мечтаний любого охочего до развлечений ребенка. Слева от входа, завешанная трепетными ветвями плакучей ивы, стояла деревянная уютная беседка. В такой беседке очень вкусно чай со слоеными пирожными гонять или мороженое маленькими кусочками поедать. Откусил кусочек мороженого и смотришь, много осталось или мало. По закону подлости мороженое всегда заканчивается быстрее, чем успеваешь им насладиться. А вот тушеные овощи – наоборот. Наедаешься с первой ложки, а дальше просто заставляешь себя есть. Что особенно обидно, овощей в тарелке от этого не убавляется, а наоборот, словно прибавляется и прибавляется! Но не будем о грустном, вернемся к достоинствам дяди Гора.

Итак, слева от дома стояла беседка. А справа раскинулась нетрадиционная для наших дворов лужайка, там и сям инкрустированная цветочными клумбами, низенькими скамейками и двумя самодельными фонтанчиками. Когда у живущей в Кировакане Арпинэ родились дочки-близняшки, дядя Гор смастерил качели и даже карусель, чтобы приехавшим в гости внукам было где поиграть. Карусель была предметом зависти детей всего нашего городка. Она представляла собой круглую деревянную платформу с четырьмя лавочками. Перед каждой лавочкой по ходу движения был прибит невысокий шест. Нужно было, вцепившись в шест руками и стоя левой ногой на платформе, правой разгонять ее, отталкиваясь от земли. Когда карусель раскручивалась до достаточной скорости, следовало плюхнуться на лавочки и какое-то время с визгом крутиться, а потом по новой «поддавать газу». Мы с Манькой и Каринкой часто прибегали к дяде Гору – покататься на карусели или посидеть в беседке. Правда, Ба в таких случаях всегда нас сопровождала и строго следила, чтобы мы не испортили чужое имущество. Или чужие нервы.

– У нас, – приговаривала Ба, – из-за ваших проделок нервы уже луженые, а вот за нервы Гора с Мелиной я не поручусь!

– А что такое луженые? – любопытствовали мы.

– Многострадальные, но непотопляемые, ясно?

– Ясно!

Решение Ба сводить нас в городскую баню мы встретили в штыки. Но миндальничать с нами взрослые не собирались – сегодня поздно вечером приезжает дядя Мотя, завтра с утра – тетя Фая, а далее мы всем миром будем отмечать юбилей Ба. Так что дорога каждая минута.

Препирались мы с Ба до последнего, но из чистого упрямства. Потому что смысл качать права, когда ты, образно говоря, одной ногой стоишь на пороге бани, а в руках пестуешь авоську со сменным бельем, шлепками, полотенцем и мылом!

– Как раз помоемся и на обратном пути заберем из садика Гаянэ с Сонечкой. А Надя к нашему возвращению накрутит фарш для толмы и замаринует уток. Что с утками делать – ума не приложу. Хотели запечь, но в дровяной печке-то не запечешь! Придется просто потушить, – бубнила себе под нос Ба. Мы хмуро шли следом. Прохожие с любопытством разглядывали наши постные мины.

– Она взяла натуральную мочалку, – шепнула Манька.

– И нам мама натуральную положила! – вздохнула Каринка.

До чего же мы не любили эти изуверские натуральные мочалки! Вернешься домой практически безгрешный, ну, может, ноги по самые подмышки намочил по лужам бегаючи, или сажай вымазался до бровей, можно подумать! Попытаешься незаметно в квартиру просочиться, а на пороге мама наперевес с натуральной мочалкой стоит. Главное, даже слова в свое оправдание сказать не дает, подцепит за лопатку и волочет в ванную. И устраивает тебе такое шкурораспустительное мытье, что ты потом ходишь словно густо накрахмаленный – тело скрипит и не гнется. А если и гнется, то с таким напрягом, словно с тебя сейчас отвалится большой кусок чего-то важного, какого-нибудь луженого нерва например, и шмякнется на пол.

– Ба, – заныла я. – И чего? Теперь ты перед всем голыми тетеньками будешь голая ходить? И перед нами тоже?

– Перед вами уж точно не стану голая ходить! Мы возьмем билеты в отдельный номер. Я прослежу, чтобы вы быстренько искупались, выпровожу в холл, вы подождете, пока я тоже вымоюсь. Думаю, за час точно управимся. – И, толкнув тяжелую дверь, Ба всплыла в холл бани. Следом просочились мы.

Городская баня представляла собой небольшое одноэтажное здание из розового туфа. Обычно она пустовала, потому что, кому охота ходить куда-то мыться, когда дома своя ванная под боком. Тем более что русского обычая париться до изнеможения и выбивать из себя отчаянно не желающую отдаваться богу душу дубовым или каким другим березовым веником у нас не водилось. Правда, некоторые впечатленные «Иронией судьбы» граждане загорелись идеей повторить подвиг героев фильма и помыться, так сказать, на брудершафт. Но попытки совместить приятное с полезным терпели сокрушительное поражение, ибо пить без обильной закуски и многокилометровых тостов народ категорически не умел, а растягивать на многие часы процесс мытья без питья не желал.

Поэтому клиенты в бане случались редко, в экстренных, навроде ЧП с газопроводом, случаях. Штат сотрудников бани был небольшим, если не сказать крохотным. Руководила баней тетя Ашхен, уборщицей работала шаш Тамар, а за регулярную топку и техническое состояние помещений отвечал колченогий дед Леван. Деду Левану было так много лет, что, когда он, пыхтя трубкой под пожелтевшими от табака усами, начинал рассказывать о присоединении Восточной Армении к Российской империи, все слушали его как непосредственного очевидца событий.

Полусумасшедшая шаш Тамар («шаш» в переводе с армянского означает «дурак, сумасшедший») была весьма харизматической личностью. В свои глубокие семьдесят она строила из себя тридцатилетнюю красотку – носила броский макияж и прозрачные платья, из-под которых кокетливо выглядывало кружево комбинации. Пахла шаш Тамар розовой водой – густой шлейф сладкого аромата сопровождал ее всюду. Из-под тщательно взбитых кудрей выглядывали длинные морщинистые уши. Когда мы встречались с шаш Тамар на улице, то первым делом пялились не на свисающую с левого плеча всклокоченную лису и даже не на выглядывающую из-под платья комбинацию, а на ее мочки. Мочки у шаш Тамар были страшные – с продольной дырой, разорванные пополам. Люди поговаривали, что в голодные послевоенные годы Тамар ограбили, накинудились на нее сзади, ударили чем-то тяжелым и вырвали из ушей золотые сережки. Правда, никто поручиться за это не мог, а спросить боялся – в ответ шаш Тамар поднимала такой визгливый хай, что хоть стой, хоть падай. Она упрямо проколола свои «вторые» мочки и ходила по городку в золотых сережках, нагоняя на детей священный ужас своими обезображенными ушами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.